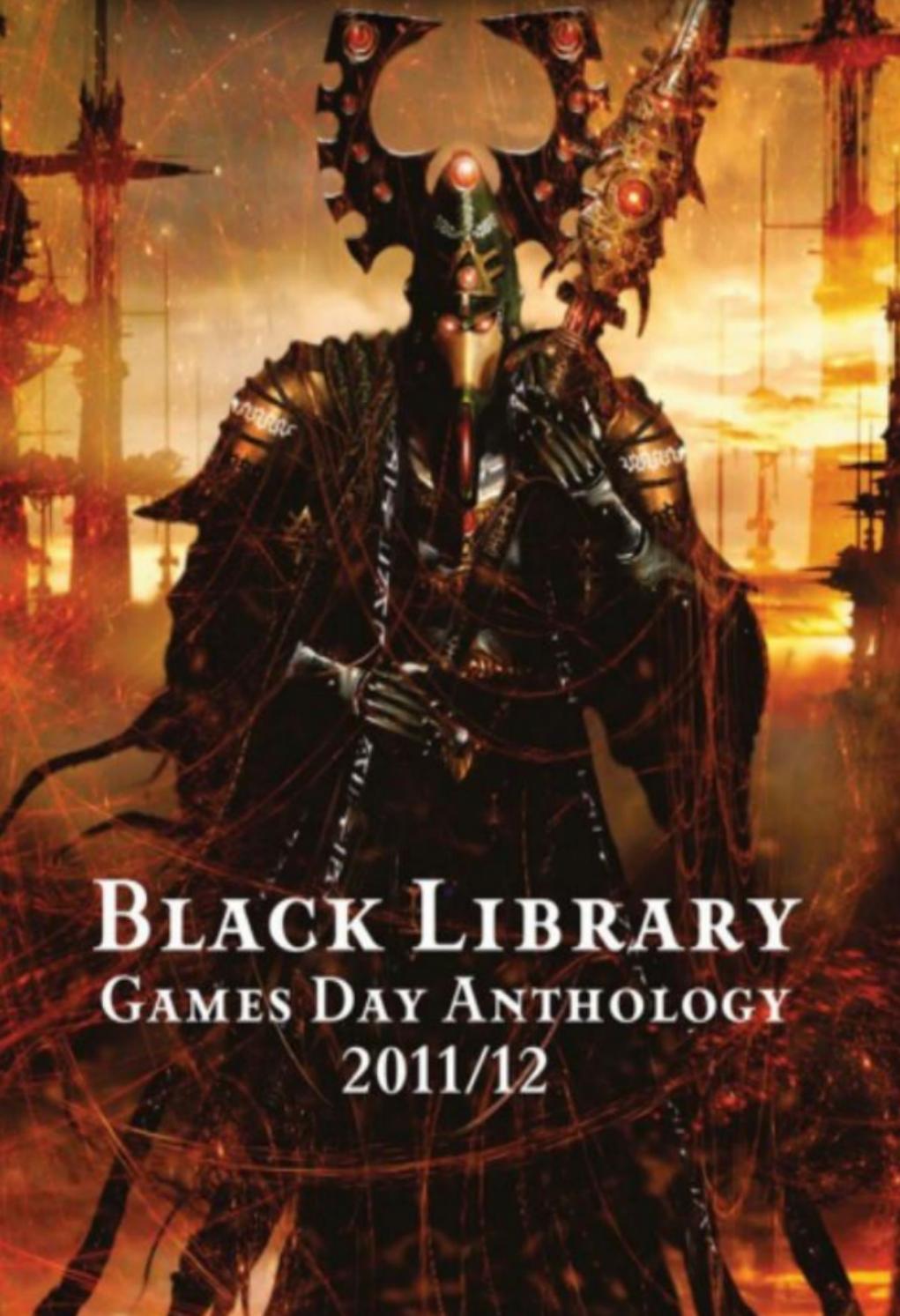

LIMITED TO 3000 COPIES WORLDWIDE

BLACK LIBRARY
GAMES DAY ANTHOLOGY
2011/12

Warhammer 40000

Стерть серебряных дел
мастера

Грэм Макнилл

Переводчик: Йорик

Я знаю, что умираю. Но не знаю почету.

Моя глотка раздавлена, и слабых вдохов
не

хватит для мозга надолго. Он не убил
меня

сразу, хотя легко мог. Помню, он смотрел,
как

я бился на полу мастерской и задыхался
слов

но выброшенная на берег рыба. Смотрел,
словно его завораживал переход от жизни к
смерти. Но я крепче, чем кажусь, и не
умру

быстро.

Возможно, этого он и хотел.

Он не остался, чтобы наблюдать за твоей

смертью, словно его не интересовало

точное

время, лишь то, что это продлится долго.

Я

думаю, что он использовал ровно столько усилий, чтобы раздавить мне горло, сколько

было нужно для медленной смерти. Если бы я

не умирал, то почти восхитился бы необходимостью

тысяч вниманием к деталям и контролем над

силой.

Он хотел, чтобы я умер медленно, но не угодился посмотреть на исход.

Какой разум может так мыслить?

Мне, как и всем нам, некому молиться.

Им

император показал глупость поклонения незри

тысяч божествам, чьё существование — ложь.

Все храмы и святынища были разрушены,
а

же последняя церковь за серебряныи
тостом.

В небесах нет сверхъестественных
существ, способных услышать тош
предстертные твои

ли, но как бы сейчас мне хотелось, чтобы
это

было не так.

Любое свидетельство твоей смерти -- луч
ше, чем ничего. Иначе это будет просто
счастья

историкой, докладом одного из
зардемаринов

грозного корабля. Твои последние слова и
тысли будут важныЮ лишиь если кто-то
их

услышит или поймёт. Вы вряд ли
забудете

утирающего перед вами человека.

Я даже хотел бы, чтобы убийца остался
твоим

конца. Но крайней тере, мне было бы на
что

посмотреть, кроме почерневшего потолка
та

стерской. Люмосферы горят ровно, хотя
мне

кажется, что они гаснут.

Или гаснут я?

Я бы хотел, чтобы он остался
посмотреть

на мою смерть.

Он был настолько больше и сильнее. Ко
нечно, благодаря улучшениям, но даже без
них я бы вряд ли был для него соперником.

Я

никогда не был вспыльчивым и не
стремился

к физическому и воинскому совершенству.

С

самых ранних пор я был мыслителем,
копав

шился в рабочих деталях, и обладал
изощрён

ным разумом, работающим как часы.

Отец

хотел направить меня в ученики к
Механикум

Марса, но дед не желал и слушать об
этом.

Жрецы красной планеты были врагами
Терры

двух поколения назад, и твой дедушка,
гравёр с

тонкими длинными пальцами, который делал

невероятные браслеты, резьбу и шейные
украшения в стиле Штамповки Аскалона,
за

таил обиду с тех беспокойных времён.

Производство оружия и боевых машин для
Империума Человечества стало бы
пустой

тратой времени для человека с таким
способом

ностями. Твой дедушка был творцом в
истин

ном стысле этого слова, достойным своего
имени ремесленником, и очевидный в его
ра

боях редкий талант проскользнул прямос-
ко

тне тито отца. Не сказать, чтобы отец
когда-

либо тне завидовал. Наоборот, он
радовался

тоим успехам и с гордостью
демонстрировал

тои работы даже в начале, когда тои
брюшки, серьги и сверкающие воротники
ещё были

неумелыми копиями. Я тружился многие
го

ды, постигал ремесло и развивал талант,
пока

не стало ясно, что тои способности
превосход

дят даже гедовы. Кристаллизация
составов

превратила его руки в крюки, и все ты-
опла

кивали день, когда девушка в последний раз

повесил на стену свои плоскогубцы и гравировалынную доску.

Работу всегда было легко найти, даже когда

последние спазмы войны всё ещё сотрясали далёкие уголки Терры. Этнархов и деспотов

свергали одного за другим, но даже во време

на раздора всегда находилась жена генерала, желающая тодное ожерелье, темпартх, которо

му понадобилась более впечатляющая рукоять течи, или бюрократ, стремящийся впечат

лить своих коллег филигранным пером.

Конец войны был близок, на Терре восстановилась стабильность, и по всему земному ша

ру потекли сверкающие золотые реки денег.

А с ними и желание потратить обильные
сум

ты во славу Единства, в память о павших
или

чтобы увековечить будущее. Я был занят
как

никогда, и частные заказы вознесли мои
твор

ческие способности к новым чудесным высо-
там.

Я помню особенную работу, которую про-
делал для лорда-генерала анатолийского
фронта. Его солдатам повезло сражаться
вме

сте с астартес из X Легиона перед их
отправ

лением на встречу славе крестового
похода.

Мятежная ветвь кланов Тераватт
стремилась

сохранить контроль над уральскими
кузницами

ти, не желая отдавать их Железным

Рукам, и
сражалась с их спартанскими
представителями.

Последовало скорое возмездие, и комплекс
кузниц пал через месяц тяжёлых боёв, в
кото

рых анатолийским бригадам большие всего
го

сталось от странного и стертоносного
оружия

слепых воинов клана. Но, как сказал тиц
лор

д-генерал, примарх X легиона так
впечатли

ла отвага солдат, что он сорвал железную
пер

чатку с одного из знамён легиона и
даровал

войону, командующему бригадой, первой
прорвавшейся через врата во внутренние
ворота

ки.

Не стоит и говорить, что этим

командиры

не пришло в голову сохранить подарок, и он

покорно передал его своему начальнику, а том

своему, пока перчатка не попала в руки лор

да-генерала. Который обратился ко мне и по

ручил сделать для дара достойный
реликвия

рий -- хотя он и смеялся над старым словом.

Для меня было честью работать над таким

невероятным произведением, и я направил все силы на этот заказ. Перчатка явно была

для Железных Рук пустяком, но при виде тон

кости и совершенства работы я понял, какие

великие навыки были вложены в её

создание.

Я слышал о чудесных руках Ферруса
Мануса, но мысль о том, что я работаю с
шедевром

самого притарха, одного из сынов
Императора

ра, дала мне цель и вдохновение, с
котором я

не течтал даже в самых удивительных
грёзах.

Я трудился день и ночь, избегая всех
людей, и тем отпугнул многих
состоятельных покро-

вителей. Великоление перчатки подняло
меня

страсть и способности к новым высотам
из

мышлений и за месяц я создал чудо —
золотой

реликвиарий с такими тонкими
деталями, деликатной филигранью и
драгоценными

камнями, что его можно было стелить
поста

вить рядом с древним храмом тощий
того, кого считали святым, и не
устыдиться.

Хотя Император запретил поклонение
лож-

ным богам и нечистым духам, у меня было
несколько старых, заплесневелых книг,
спасённых из развалин поверженного святилища
другом из Консерватории, знавшим

о

тоёт интересе к таким вещам.

Разговоры о

богах, духах и магии были явной чепухой и
трачныти преувеличениями, но эти
верова

ния вдохновляли на символизм и чудесные
произведения. Кружящиеся линии, пересека-
ющиеся волны и спирали такой
захватываю-

щей сложности и идеальной формы, что я
тогда

часто смотреть на чудесные узоры и не
мог

рять интереса.

В этих книгах я нашёл идеальное вдохновение,

и законченная работа была прекрасна.

При виде её лорд-генерал заплакал, и по многим нашим встречам я знал, что он не привык показывать свои эмоции. Он обнял меня и заплатил за заказ двойную цену, и мне

потребовался весь самоконтроль, чтобы не отказатьсь от денег. Само разрешение работы

на таком шедевре было достойной платой.

Вести о реликвиарии разнеслись по тирам, и спрос на мои таланты возрос ещё сильнее, но ничто более не поднимало меня к таким

творческим высотам. Даже при этом тошнило

бомбы были изумительны и вскоре привлекли

ли внимание тех, кто творил будущее.

тира

сего и тех, что таятся за усеянными
звездами

небесами. Однажды стужёным днём, когда
я

трудился над ониксовым камнем, пронзав
шим в эфесе серебряный шар, путь моей
жиз

ни изменился навсегда.

Человек, судя по манерам благородный, но
внешне не примечательный, вошёл в мою
так

сторкую у подножия гор Сахиадри и
терпе

ливо дождался моего внимания. Он разгова-
ривал вежливо, с акцентом, который я не
мог

различить, и предложил мне место в
неофии

циальной артели, которую намеревался со-
здать. Я улыбнулся старому слову, ведь
сейчас

его использовали немногие — слишком

напо
тинало о давно мёртвом тиране. Когда я
по
любопытствовал, из кого будет состоять
ар
тель, мужчина заговорил с
ремесленниках, поэтах, драматургах и
историках, мужчинах и
женщинах, которые будут
путешествовать с
флотилиями крестового похода
Императора
и станут свидетелями величайшего
предпри
ятия в истории нашего вида.

Мы покажем, что такая организация необходима, добавим вес к растущему хору голосов, ратующих за более формальное и законное про
славление воссоединения человечества.
Мы по
кажем, чего сможет достичь такая органи

зация. Наша задача будет не менее важной, чем

у воинов экспедиционных флотилий!

Он заметил тоё веселье и улыбнулся, когда

я отклонил предложение. Я был счастлив на

Terpe и не горел желание ехать путешествовать в

неведомые уголки космоса. Откинув капюшон, он позволил длинным белым волосам раскинуться по плечам и сказал, что высочай

шая власть просит тоесть сотрудничества. Мне

хотелось заспрашивать ему в лицо, но я не осмелился,

увидев в глазах мужчины глубины, по

нимания и воспоминания, которых хватило

бы на целый мир. Этот человек, этот обычный

человек с весом целого тира в глазах,

просто

положил белоснежный конверт на верстак

и

сказал как следует подумать, прежде чем

от

казываться.

Он ушёл без лишних слов, оставив меня
наедине с конвертом. Лишь много часов
спу

стя я остался его поднять и долго
вертел в

длинных пальцах, словно пытаясь понять,
что

внутри. Открытие означало толчаливое
со

гласие с предложением, и мне не хотелось
покидать уют мастерской. Конверт
скрепляла

капля алого воска, и тоё сердце замерло,
ко

гда я узнал перекрещенные толни и
двугла

вого орла.

Но, как и любой творческий человек, я проклят ненасытным любопытством. В конце

концов, я открыл конверт, как и рассчитывал
той посетитель, и прочитал его
содержимое.

Написано было как просьба, но слова были
такими красноречивыми, такими
страстными
и полными надежды и власти, что я сразу
понял, кто писал. Гость, чью личность я
знал,

первь знал, не солгал, когда говорил о важности
человека, которому потребовалось
моё
присутствие.

В том же день я собрал свои скромные по-
житки и направился к горам Гималаазии,
что

бы присоединиться к своим спешно собран-
ным спутникам. Я не буду пытаться

описать

бесконечное величие Дворца, ведь одних слов

будет недостаточно. Это хребет, превращён

ный в исполинское здание, чудо света, кото-

рое никогда и никому не превзойти.

Гильдии

ремесленников стремились превзойти

друг

друга в прославлении деяний Императора, творя

монумент,

достойный

единственного, кто мог нести такой почётный титул без на

стоящего итени.

Сейчас ранние дни проносятся для меня как миг, хотя возможно этот пространство

от недостатка кислорода. Достаточно сказать, что вскоре я уже отправился в открытым космоса, где бесчисленные стаи звездолётов теснились в

небесах и алчно высасывали топливо из

запасы

из огромных континентальных хранилищ
на

геостационарной орбите.

Наконец, я увидел корабль, который
становится

точно домом почти на двести лет,
левиафан, сверкающий отражённым
блеском луны. Он

блестел белым, когда грациозно разворачи-
вался, чтобы принять на борт флотилию
каптей

ров и шатлов с планеты. То был
«Мститель-
ный Дух», флагман Гора Луперкаля и его
Лун-
ных Волков.

Я быстро освоился на борту, и, пусть по-
житки и были скромными, у меня было вни-
шнительное состояние и лишь немногим
мень

шее тщеславие. Всё это позволило мне
про

длить срок жизни и сохранить внешности

бла

годаря превосходной отолаживающей терапии. Лёжа сейчас на полу мастерской ремесленной палубы «Мстительного Духа», я ду

таю, что можно было бы и не беспокоиться.

Какой толк от чуть меньшего числа торщин

вокруг глаз и более гладкой кожи, когда каж

дый вздох может стать последним, а блажен

ный покой наполняет разум от утирающих

частей мозга?

Я преуспел на флагмане 63-ей экспедиции, создал много прекрасных работ и частично полу

чал заказы на украшенные ножны, почтенные

знаки, особые обеты и всё такое. Многие

из
других летописцев, как ты стал
известны

после Уланора, стали тоими грузьями:
одни

добрьи, другие плохо выбраны, но все
были достаточно интересны, чтобы
время

на борту было для меня крайне приятным.

Один из них, Игнаций Каркази, пишет
такие

весёлые непочтительные стишки про
астар

тес, что боюсь он однажды потеряет их
расно

ложение.

Труд экспедиционной флотилии продол-
жался, и хотя многие тиры привели к
покор

ности воины и императоры, немногие были
за

печатлены в трудах и картинах тех
товари

щей. Я создал из ляпис-лазури копию карты

тира, найденной в глубинах необитаемой планеты, и украсил шлемы многих портрета

ти павших братьев после войны на Кейлеке.

Но величайший заказ я получил после кампании на Улланоре.

По словам тех, кто сражался на грязном тире в свете пламени пожаров, то была вели

кая война, безоговорочная победа, одержанная лишь благодаря Гору Луперкалю.

Улланор

стал поворотной точкой крестового похода, и

многие из приходивших ко мне в мастерскую

полководцев желали увековечить своё присутствие на поле исторической битвы укра

шенным течом или тростью.

Император возвращался на Террү, и великий Триумф был проведён среди развалин тира зеленокожих, чтобы навеки запечатлеть этот мир на податливом металле истории.

В отсутствие Императора Горынч

Лунаркаль

будет руководить окончанием крестового по

хода, и такая значимая обязанность требова

ла не менее значимого титула.

Магистра Войны.

Даже я, никогда не испытывавший особого вкуса к войне и историям о ней, стаковал звук

этих слов. Они обещали великие, славные свершения, и голову кружило от мыслей о величественных шедеврах, которые я могу

сделать, чтобы запечатлеть дарованную

империей

Иппера

тором Гору Лунеркалю почесть.

Когда Магистр Войны был назначен, нам тоже оказали честь. Основание Ордена Лето

писцев стало одним из самых приятных вос

поминаний, я плакал, когда услышал о его утверждении Советом Терры. Я вспомнил пришедшего в тою мастерскую беловолосого

тужчину и поднял за него много бокалов в памятных заведениях корабля.

На следующий день после Триумфа ко мне пришёл воин, красавец, облачённый в доспехах, сверкающий белым от

шифровального по

рошка и пахнущий благовониями. Его звали

Хастур Сеянус, и его лицо заворожило меня, как ничто до этого. Воин показал мне шлем с

грubbyм знаком прямо на правый глаз.

Без

лиших вопросов я узнал толстой месяц,
символ новой луны. Сеянус поручил мне сде-
лать четыре кольца, каждое из серебра с
отпо-

лированным лунным камнем. На одном дол-
жен быть толстой месяц с его шлема, на
друг

гом половине, на третьем выпуклая и на
четвёртом полная луна. За эту работу я
получу

чил бы впечатительную плату, но я
отказался

от денег, потому что знал, кому
предназначе-

ны кольца.

Морнивалю.

Абаддон будет носить полную луну, Акси-
танд, называемый некоторыми маленьким
Гором, половину, Торгаддон выпуклую. Сеян-
ус получит последнее кольцо новой луны.
Достаточно и чести работы на воинов с
так

кой родословной.

Я труился неделями, вкладывая всё в каждое кольцо. Я знал, что такие воины презрят

брюкость и лишний орнамент, и поэтому
ста

рался обойтись без наиболее сложных
замыс

лов, пока не обрёл уверенность, что создал
достойные избранных помощников
Магистра

Войны кольца.

Завершив работу, я стал ждать возвраще-
ния Хастура Сеянуса, но война держала
его

вдали от твоей мастерской, и другие
заказы

появились на столе. Один из заказов,
доста

точно простой по замыслу, стал причиной
твоей гибели. Его тоже сделал воин
Лунных

Волков.

Я так и не узнал его имени, ведь он не представился, а я не смелася спросить.

То

был человек с грубым лицом, глубоким
шрам

тром на лбу и агрессивным поведением. Он говорил слова с характерным резким
акцентом

также Хтонии, так типичным для
старших воин

нов Лунных Волков.

То, что хотел воин, было простым,
таким

простым, почти недостойным теня.

Из тешочки за пазухой Лунный Волк
достал

серебряный диск, похожий на плоскую лоне-
ту, и положил ко мне на верстак. Он
толкнул

его ко мне и сказал, что хочет сделать
мегалии

с образом головы волка и полумесца. Я
редко

получал такие конкретные требования. Я предпочитаю пользоваться в каждом проекте собственным пониманием, о чём и сказал воину. Тот был так настойчив, что я ощущал, что отказываться опасно. Голова волка шестиметровой длины должна была

сиять. Не больше, не меньше. Я должен был сделать форму для медали, которую он возьмёт на инженерную палубу, чтобы произвести впечатление в большом количестве на гидравлическом прессе. Такая банальная задача меня не интересовала, но я кивнул и сказал, что форма будет

готова через день. Я заметил сходство в ваших с тем, что заказал Хастур Сеянус, но

про
толчал. Слова только разозлили бы воина,
для которого, похоже, бесцельное шокирую-
щее насилие было обычным делом.

Бояться

астармес естественно, в конце концов, их
со

здали быть убийцами, но здесь было нечто
иное, нечто более тревожное, чём
признание

цели существования.

Воин ушёл, и я сразу ощутил, как воздух в
мастерской стал легче, словное его
присут-

ствие давило мне на череп. Животная
часть

тения знала, что я в ужасной опасности и
при

зыбала бежать, но высшая личность не
могла

понять причины страха. Если бы я только
прислушался к инстинктам и бежал, но
где бы

на звездолёте я мог спрятаться от одного

из

избранных Магистра Войны?

Я обратил внимание на серебро, отбросив мысли о всём, кроме работы о металле.

На

такую простую задачу ушло бы лишь
несколько

ко часов, но я обнаружил, что продолжаю

дү

тать о войне и его угрожающему
присутствии.

В резьбе не хватало жизни и искр
вдохнове

ния, поэтому я обратился к тем же
пыльным

книгам, с которыми справлялся при
работе

на реликвиарий для лорда-генерала.

На страницах я обнаружил частые упоми
нания волков и луны: невры древней
Скифии

раз в год превращались в волков, страх,

что
глаза волчицы могут вскружить чувства
чело
века. Одни считали волков знамениями
побе
ды, другие видели в них вестников
последних
дней тира. В конце я обнаружил неполную
историю о скованном волке, который
порвал
оковы и проглотил солнце, а затем был
убит
одноглазым богом. Учитывая, что мой
волк
будет выгравирован на фоне луны, это
каза
лось подходящим выбором. С этим
образом
перед мысленным взором я быстро
вылепил
форму, придав волку простоты и
элегантно
сти. Благородный зверь гордо выгляделся

на фоне полумесца, запрокинув голову словно перед диким воем. Работа не сложная, зато

сделан прост, но я всё равно гордился. Я был уверен

рен, что окончательный результат порадует

моего безымянного заказчика, штаившийся в

недрах разума страх насилия притих.

Он вернулся на следующий день, когда колокола корабля возвестили начало вечернего

цикла, как и обещал. Вони потребовал пока

затем, что я сделал, и улыбнулся, когда я показал

жил серебряную резную работу в абсурдно огромную ладонь. Он поворачивал её так и этак, глядя на отблески света на гравировке.

Наконец, он кивнул и похвалил меня за

рабо
ту.

Я опустил голову, радуясь одобрению свое
го творения, но его рука сомкнулась на
нее, как только я поднял взгляд. Похожие
на же

лезные провода пальцы сомкнулись на
горле

и подняли меня в воздух, я забил ногами,
чуб

ствую неумолимый напор. Я посмотрел в
глаза

воина, силясь понять, зачем он это
делает, но

не увидел никакого объяснения кровожадно
му нападению.

Я не мог кричать, потому что хватка не
да

вала покинуть рот ничему, кроме
сдавленно

го хрюна. Что-то хрустнуло, и я ощущал
внутри

ужасное давление. А затем я упал, тяжело

ударился о пол мастерской и забил ногами, пытаясь вдохнуть. Лишился крошечные струйки

кислорода попадали в лёгкие через изувечен

ное горло, и я смотрел, как он присел рядом с

сарднической щелью на грubbyм лице.

Слова пытались добраться до онемелых губ, тысячи вопросов, но воздуха хватило лишь на один.

Зачем?

Воин склонился и прошептал мне на ухо.

Тоже ответ, но в нём нет стыска.

Я утираю. Он это видит. Через считанные

минуты я бываю тёртв, и воин повернулся и вышел из мастерской, не дожидаясь твоей кончины.

Я крепче, чем выгляжу, и хотя не могу скажать наверняка, не верю, что умру так быстро, как ожидал убийца. Я делаю слабые вдохи --

их достаточно, чтобы продержаться ещё

чуть-

чуть, но не хватает, чтобы жить. Всё
перед

глазами тускнеет, чувствую, что
умираю.

Серебряных дел мастера не станет, и я бо-
юсь, что никто никогда не узнает
причины.

Но что это?

Порыв ветра на коже, звук открытия
двери?

Да! Я слышу встревоженный крик и
тяжёлые шаги. Нечто огромное и бледное
на

висает надо мной. Поступают
прекрасные

черты, похожие на лицо спасателя, видное
из

под воды неподвижного озера.

Я знаю этого воина.

Никому так не идёт госпех Марк JV.

Хастур Сеянус.

Он поднимает меня с пола, но я знаю, что
меня уже не спасти. Неважно, как быстр
он

стожет принести меня к медику, я не
выживу.

Но я всё равно рад. Не умру один, кто-то
будет

смотреть, как я сброшу стерпную
оболочку.

Меня будут помнить.

Он кладёт меня на верстак и неосторожно
стахивает поднос с завершёнными
заказами.

Моя голова опускается на бок, и я вижу,
как на

пол падают четыре кольца. Я смотрю,
как Ха

стёр случайно наступает на одно,
полностью

расплющив кольцо своим весом.

Это кольцо я сделал для него.

Он наклоняется ко мне, настойчиво что-
то

говорит с искренней печалью от твоей
смерти.

Сеянус резко задаёт вопросы, но я ничего
не могу разобрать.

Жизнь ускользает. Глаза закрыты, но
перед

смертью я слышу, как Хастур задаёт
послед
ние вопросы.

Кто это сделал? Что он сказал?

И последней искрой жизни я проталкиваю
предсмертные воспоминания и последние
слова убийцы через изувеченную горло.

Я не могу сказать.

Проклятие Шаа-дома

Гэв Торн

Переводчик: Йорик

На диком засушливом тире Элеменат чувствовал, как алаитокайи учинили
избиение

людей, нашедших Нефритового Скарабея
Нейленха. Сознание белого провидца было

но
добно льду, застывшему на пути
постоянных
нашёптываний, что тщетно пытались
про
никнуть в его мысли из дьявольского арте-
факта, но Элеменат не мог
заблокировать ни
предсмертные крики людей, ни упоение на
силием, подобно тысяче колоколов
громящее
из разумов аспектных воинов.
Печально, но необходимо. Обитавшие в
крепости люди контактировали с
Нефрито
был Скарабеем и подверглись его порче,
даже
этого не осознавая. Они должны были быть
истреблены, чтобы предотвратить
распространение влияния Великого Врага.
Когда
умер последний, Элеменат и пять других

бе
лыих провидцев извлекли нуль-гроб из корабля и проэкспортировали к месту, где нашли

Нефритового Скарабея.

Саркофаг из психокости -- длинное яйцо из бледного психопластика, покрытого защищенным рунами -- парил тежду белыми провидцами, пока они поднимались по лест

нице на вершину башни, перешагивая окровавленные трупы людей. Автарх алаитокайи

ждал их на самом верхнем этаже вместе с

проводцем и молодой колдуньей. Но Элеменат не обратил на них внимания, направив

свой разум на подавление страстной толыбы

Нефритового Скарабея, что льстил и угрожал, умоляя освободить его из маленькой коробки.

Не для белых провидцев барьер рун, что
защищал от влияния артефакта видящих
ала
имокайи. Каждый из них искал более
чистый
путь, посвятив свою жизнь единственной
цели
ли разрушения планов Великого Врага ш
дрю
гих Сил Хаоса. В Чёрной Библиотеке они
но
стигали ритуалы пренебрежения, что
позво
ляли взглянуть на царство богов Хаоса и
не
быть втянутыми в бездну. Такие эльдары
не
искали откровений о будущем, не
стремились
использовать мощь варна ради своих
целей.

Путь белого провидца — путь отречения,
на

правления психических даров к единствен-
ной цели сдерживания потенциала других
и

подавления разлагающего влияния
артефакт

тов, подобных Нефритовому Скарабею.

Когда дьявольскую реликвию поместили в
нукль-гроб, вырезанные на психокости
защит

ные печати и обереги почти заглушили
скулёж

и разглагольствования. Без лишних слов
бе

лые провидцы покинули алаитокайи и
верну

лись на свой корабль -- странный,
казавший

ся в бою необычным среди развалин дво-
рика в окружении тертвейдов. Подобный же-
лү, оплетённому вихрем синих и голубых
цве

тов, корпус окружал круг из шести
изогнутых

хвостовых плавников, что тянулись
почти от

самого острого носа. Судно было
достаточно

большим для дюжины эльдаров, и большую
часть его длины занимали варп-резонирую-
щие лопасти, что давали кораблю имя:
Бегу

щий-по-пряже.

Нуль-гроб был запечатан в отсеке,
отделив

шился от дна корабля, и доволыные часы
всё

идёт как надо белые провидцы собрались в
круг для общения. Их разумы
соприкоснулись
без лишних слов.

Нем нужды всем нам сопровождать груз,
но

думал Немериан, старший из белых
провод
цев.

Мы близко к Бель-Танигу, согласился Кхе-

терит, второй по возрасту. Одного будет
до

статочно.

Я предлагаю Элемената, продолжил Эндо
риар. Он ещё не совершил путешествия в
свя

тилище.

Это честь для меня, но я не думаю, что го
тоб к такой ответственности, возразил
Эле

менат. Он был самым молодым из шести
и

никогда не посещал Бель-Таниг один.

Это не станет великой проблемой, сказал
Немериан. Можешь взять с собой
наёмников.

Мы сопроводим обратно к Нейр-Саману
один

из кораблей алаитокайи и встретимся с
тобой

там.

Согласны, хором сказали остальные, оста
вив Элемената полъщённым, но

встревожен

ныи.

Другие белые провидцы направились к башне, оставив его наедине с Немерианом. Нем причин для тревоги, белый провидец положил руку на запястье Элемената.

Путь

близкий и без ненужных сложностей. Ты зна

ешь, что делать, просто доставь груз.

Элеменат склонил голову в знак согласия с мудростью собрата, а затем зашагал по трапу

бегущего по-пряже. Он едва пересёк порог, когда трап захлопнулся, и корпус герметизи

ровался.

Внутри четверо других эльдар сидели на кушетках, плавно переходящих в пол и стены

сферической комнаты. Двое кутались в изменчивые плащи странников, их хамелеоли

новые одеяния сливалась с тёмно-красным
интерьером корабля. Первой была Анишай.
Она присоединилась к служителям Чёрной
Библиотеки прежде Элемената, оставив
поза

ди обречённый Морве-Шено незадолго до
того

го, как его поглотили стертыне
прислужники

Великого Врага. Другим странником был
Хай-

лиан с Бьевель-тана, нашедший новый стысл
в

служении стражам Чёрной Библиотеки
старе

ющий эльдар, которому после многих
путей

наконец наскучила жизнь на тире-корабле.

На противоположной скатье развалился
Силлион. Большую часть жизни он был
пира

том, одеяния и поведение стали данью про
шлому. Белые волосы выстрижены в

ирокез, открытыю кожу покрывают
татуировки изви-
вающихся красных драконов. На худом
лице
красовался шрам от правого глаза до губы
—
показуха, которую вполне могла убрать
тех
нология эльдаров. Носил он тешковатую
чёр-
но-серебристую рубашку, стянутую
широким
поясом, который украшали грозья крошеч-
ных сапфиров и алмазами. Вышитые сере-
брот чёрные лосины ног коленами
сливались
с тёмно-синими сапогами, что придавало
нижней половине пирата вид освещаемого
звездами сумеречного неба.

Последний член команды сидел чуть в сто-
ронке от остальных на небольшом стуле в
ка
пюшоне и маске, открывавшей лишь непро-

ницаемые голубые глаза. Он был одет в
ком

бинезон из красной и золотой ткани,
терцав

шей словно чешуя рыбы, когда эльдар повер-
нулся к белому провидцу. То был пилот,
Зайн

Жалир, и к нему обратился Элеменат.

-- Веди нас к Бель-Танигу.

Корабль бесшумно поднялся над землёй и
взлетел над крепостью людей. Внутри
Элеме

нат вошёл в маленькое помещение за глав-
ным отсеком и, подобрав тантию, сел на
но

крытый узорами коврик. Соединённые кри-
стальными тонкими узорами золотые
симво

лы покрывали стены и потолок, и в них за-
терцала психическая энергия, когда белый
прорицатель расширил сознание.

-- Готов активировать портал, -- объявил
Зайн Жалир.

Раздался жалобный вор, слышанный скорее
разумом, чем ушами, и психическая жизнь
наполнила огромный кристалл
призрачных
двигателей бегущего по паутине судна.
Эле
тенам зачерпнул энергию кристалла,
придав
ей форму окружающего корабль
фасеточного
пузыря. Другой мыслью он приказал Зайн
Жалиру активировать портал.
Воздух вокруг бегущего по прямой напол-
нился энергией. Вспышки всех цветовых
запла-
сали вокруг незримых очертаний
психическо-
го барьера, когда перед носом корабля
закры-
жилась дыра в ткани реальности. Вихри
шли
рился, раскручиваясь всё быстрее и
быстрее.

Через несколько ударов сердца в дыру про скользнул бегущий-по-пряже, направляемый мыслями Элемената.

В отличии от других кораблей эльдаров

бесгущие-по-пряже не были ограничены существующими нитями и туннелями паутиной, они прорывали себе путь через брешь между

материальной вселенной и варном, и

стены

хода обрушивались позади судна.

Теперь командовал Элеменат, его разум был связан с бурлящими энергиями небытия

и смотрел на них, как не мог никого другого: даже видящий не смог бы узреть варн в чистом виде.

Белый провидец глядел, как

баются энергии, волны и потоки чистых

эмоций и психической силы. Сквозь

тальстри

красок и тканей он увидел тонкие нити
или

жайшей паутины и направил туда
корабль.

На короткое мгновение бегущий по пряже
должен был погрузиться в чистый
Империи

ум, что позволяло обойти стены паутины
под

руководством белого профида. Элементам
ощутил нечто леденящее, а камень дыша-
на

его груди жарко запульсировал, когда
проби

дец укрепил психическую оболочку вокруг
корабля для недолгого перемещения. Тело
и

разум болели, он чувствовал, как
ускользает

жизнь, лишь на мгновение оказавшаяся в
хватке Той-Что-Жаждет.

Бесконечно долгий удар сердца воля белого

проводца была всем, что сдерживало ненасытный голод порождённой эльдарами боди

ни. Он уже совершал это действие несколько

раз в компании остальных, но сейчас было первое одиночное плаванье Элемената, и провидец всё тщательно приготовил. Его ра

зум окружала белая стена отречения, блоки

ровавшая всё, что могло привлечь внимание, действия совершались на беззвучном, инстинктивном уровне.

Вспышка психического выброса, и перемещение завершилось.

Скрытый в извилистых проходах паутины путей, защищённый от нападения возведёнными до Надения нематериальными стенами, Элеменат мог немногого расслабиться. Однако

обереги паутины не были гарантией

защиты, и его разум остался настороже к любым при

знаком повреждений защитных слоёв.

В паутине Зайн Жалир смог взять управле

ние, пилотируя судно, как любой другой корабль, двигатель черпал энергию из чистой

материи варна. Свернув в боковой проход, бегущий-по-пряже продолжил путь к хранилищам Бьевель-Танига.

Окружающий Бьевель-Таниг лабиринт туннелей был слишком извилистым и тесным для корабля; оставив на борту Зайн Жалира, Элеменат побёл остальных пешком. В отли

чии от пересечённых или тежзвёздных ответвлений, эти проходы были сделаны из цельного материала, созданы из столкнувшихся энергия реального и нереального.

Обычный глаз видел пастельно-голубые и снежно-белые свободчатые пути, медленно из

гибающиеся и сходящиеся с другими на
пере

крестках в форме звезды. Для психических
чувств Элемената существовал лишний
терцяю

щий силовой барьер, сдерживающий бушующую
щую энергию. По крайней мере белому про-
видцу было куда спокойнее, чем в
открытом

варне, и он мог блокировать остаточный
шум.

Направляемый внутренним компасом, ко-
торому его научили арлекины
Смеющегося

Бога, Элеменат чувствовал, как течёт
энергия

через саму паутину. Бель-Таниг был
близок

и тяжело свисал в ткани стеси варна и
реаль

ного пространства. Примерно через
десяток

выглядящих одинаково звёздных распятий,

проводище повернул налево, тинул ещё не сколько, повернул направо и так шёл какое-то время.

Здесь паутина путь принял другой облик, стертыые никогда не смогли бы осознать, как она отражала свою древность. Не стало свер

кающих однообразных коридоров из цвета и

света. Эльдары оказались на сумрачных ули

цах под совершенно чёрным беззвёздным небом, путь их направляли осыпающиеся стены, заросшие тхом и оплетённые терновой ло

зой, что словно жила собственной жизнью и

медленно двигалась.

Воздух стал сухим, словно в пустыне, и полным песка. Древние наносы собирались под покатыми стенами и забивались в

щели

тежду камнями. Вздохи ветра эхом
разносившись

лись по свободчатым дворикам, что
появились

в стенах тут и там, тельком открывая
древние

виллы и разваливающиеся особняки.

Ветер приносил печальные голоса, трепал
и шелестел терновой лозой, отчего
казалось, что говорит она. Шепчущие
лозы говорили о

древних днях величия, когда Бель-Санье
был

местом поиска тщедости и познаний.
Хрип

лые голоса оплакивали академические кон-
фликты, что охватили университетский
город

док, когда разные фракции в погоне за
эзотериками

и познаниями и просвещённым
мышлением соперничали с другими

сектами.

Голоса плакали, что логика и рассудок
уступи

ли место догматам и ритуалам, а Бель-
Таниг

стал местом смерти и извращения, где
изуче

ние стало религией, а исследования
проводи

лись огнём и клинком на телах невинных.

Мы терты, терты из-за собственной
глу

пости, шептали заточённые в терниях
духи.

Пусть же усохший Бель-Таниг послужит
уро

ком живым, ибо нам больше ничего не
узнатъ.

Дрожа, Элеменат шёл через развалины,
его

разум преграждал путь тёртвым духам,
стре

тившимся впиться в его мысли ледяными

когтями.

Очередной поворот почти привёл их к началу, но на этот раз с правильного направле

ния, и эльдарам открылись грозные врата

внешне выкованные из золота и железа.

Зло

вещий тёмный металл украшали сверкающие

жёлтые руны эльдаров, которые скручивались

в название: Бель-Таниг. Сквозь врата можно

было разглядеть сложное переплетение засо

бов и рычагов, украшенный серебряный за творный механизм покрывали руны не круп

нее булавочной головки.

Ворота свисали с не менее впечатляющих колонн из покрытого зловещими предупреждениями и оберегами трамора с

прожилка

ти — красными как кровь и словно
пульсиру

ющими, будто по ним что-то текло.

Или так видел глаз. Элеменат привык
пола

гаться на менее обманчивые чувства. Он
ви

дел кружящийся, но цельный барьер
психиче

ской энергии с маленькой ярко белой руной
в

центре, за которую ничто не могло
пройти.

Не было ни колокольчика, ни сигнальной
руны — ничего, чем отряд мог дать знать
о

себе кроме криков, чего в этом трачном
те

стремление делать не хотелось никому.
Элеменат по

советовал спутникам потерпеть, ведь
судя по

всем его прошлым визитам обитатели

Бель-

Санги сами узнавали о посетителях и
уделяли

им внимание в своё время.

Четверо эльдаров забавляли и занимали
себя, каждый по своему. Прорицатель
начитывал

защитные мантры, чтобы занять мысли.

Странники решили отдохнуть -- не
теряя

из виду врат -- и оглядеть медленно
корчащую

юся шепчущую ложу и осыпающуюся кладку.

Силлион присел у одного из воротных стол-
бов с маленьким белым темокамнем в
руках

и слабо загигал губами, шепча свою
тайную

историю. Элемената не заботило, что в
про

шлом натворил пират, и он радовался,
что

направил психическую силу на защиту собственного разума, а не проникновение в чужие, ведь искушение взглянуть на прошлое и

судьбу такого эльдара было велико.

Наконец, из-за врат раздался трачный звон колоколов. Шепчущая лоза задрожала от

предвкушения, чёрные листья и бледные как

кожа тертвеца цветы потянулись к проходу.

За засовами были видны струйные тёмные силуэты, неспешно движущиеся туда-сюда.

Затворный механизм кружился, трещал и скользил, в то время как видимые Элеменаты

психические обереги уровня за уровнем рас

ходились, открывая путь в пустыне.

Врата бесшумно распахнулись наружу, открыв четверых; провидец уже знал, что стра

жей всегда было столько же, сколько и посетителей Бель-Танига, словно они были штуками

ныти отражениями.

Четверо эльдаров были облачены в чёрное и серое, а тела их обвивали терновые лозы с

крючьями и покрыты шипами. Они выглядели

ли истощёнными даже по меркам эльдаров, скрытые тенями лица напоминали обтянутые

кожей черепа. Из впалых глазниц трачно смотрели чёрные глаза, пронзая Элемената и

остальных пристальным взором.

Назади тернокожих стражей можно было увидеть на фоне спокойного алого неба струи

ные силуэты воинов-автоматов, чьи длинные

руки-клиники сверкали в свете серебристой звезды. Разбитую тостовую ногами

тём
ных хранителей обвивали терновые
 побеги, с
их шипов на изломанную плитку капал
страг
ный яд.

Взмахом руки Элеменат послал вперёд
нуль-гроб. Стражи Бель-Танига окинули
шкатулку из психокости зловещими
взглядами
ти и резко, с шипением вдохнули -- неясно
только от опасения или от предвкушения.
-- Давно искали ты это адское
устройство,
-- неясно, кто из стражей говорил -- звук
словно доносился из ниоткуда. -- Нефрито
вый Скарабей Нейтенха. Истинное сокрови-
ще для мёртвых тюдрецов.
-- Он могущественен, -- сказал Элеменат,
чувствую, что стоит предупредить их.
-- Мы
обсуждали судьбу скарабея перед тем, как
присоединились к атаке алаитокайи.

Белые

предвидцы считают, что он должен быть
не

тедленно уничтожен.

-- Не белым предвидцам решать, что про-
изойдёт в пределах Бель-Танига. Не
бойся.

Не осталось соблазна, способно навлечь на
тёртвых түгречев порчу. Мечты иссохли
как

капля воды в пустыне. Желания сгорели
как

крылья томылька ног солнцем.

Потребности

тел больше не тревожат, ведь они ушли в
бес

смертие духа. Нефритовый Скарабей был
со

здан ещё в бытые времена и некогда исполь-
зовался, чтобы придать форму тем
самым

туннелям, по которым ты прошёл. Его
забра

ли у нас исполненные порока и наполнили
пробуждающейся силой Той-Что-Жаждет,
подчинив скарабея воле Великого Врага.
Он

дыхай, зная, что он будет уничтожен,
когда из
недр выбьют все тайны.

Брата начали закрываться, и эльдары от
вернулись. Элеменат заметил, что нуль-
гроб

всё ещё был рядом, хотя и вернулся к
прежне

му толочно-белому нейтральному состоя
нию; осталось загадкой, как был извлечён
Нел

фритовый Скарабей.

-- Это было... по другому, -- пробормотал
Силлион. -- Не знал, что они бываюют
такими
разговорчивыми.

-- Давайте просто вернётся на бегущий-
по-пряже, -- сказал Хай-лиан. -- Чем скорее
ты уберёшься отсюда, тем лучше.

Элеменат согласился с предложением

спут

ника и таинул рукой к выходу.

Они прошли почти пол пути до корабля,

оставив позади трачные окрестности

Бель-

Танига, когда Анимей резко остановился,

и

шедший позади Силлион почти на неё

нале

тел.

-- Смотри, что делаешь, -- проворчал пират, обходя странницу.

-- Ты не слышишь? -- спросила Анимей.

Она медленно повернулась на месте,

склонив

голову на бок. -- Не чувствуешь?

-- Чувствуешь что? -- прищурясь погодившийся к сестре по призванию Хай-Лиан.

-- Песнь, -- сказала эльдарка. -- Панихига, такая печальная панихига.

Элеменат открыл психические чувства, ища прорыв в паутине, который мог бы объ

яснить ощущение Анишей.

непосредствен-

ной близости он не увидел ничего дурного,
но

где-то рядом определённо была повреждён-
ная секция. Варн проникал в ткань
путевой

паутины, сочился через брешь между обере-
гами. Это было серьёзным
прорывом, но требовало осмотра.

-- Веди нас к песне, -- сказал белый прови-
дец.

Этот отрезок путевой паутины был
странны

узким и прозрачным, за нематериальной
пре

градой проступало небытие варна. Здесь и
там настоящие дыры в ткани паутины
позво

ляли тельком увидеть жгущую разум
чистую

пустоту, свободящую с ума просторы
невозмож

ного, различные, но не видные целиком.

Воздух казался холодным и разреженным, в нём парили микроскопически тонкие щу пальца паутинки. Эльдары сторонились паря

щих нитей, зная, что это эфемерные следы

демонического вторжения, ждущие неосторожных желания и грёзы Той-Что-Жаждет.

-- Здесь безопасно, демоны бежали от меня, -- сказал белый провидец.

Рукой в перчатке из белого шёлка и разутом, укреплённым ритуальными песнопени

ями, Элеменат собрал психонити очистил

воздух от порчи, скатав их в невероятно хруп

кий шар и поместив в вышитый рунами же

шочек на пояс. Анитея наблюдала, как белый

провидец присел у одной из трещин, оставив
ривая повреждения, но её внимание тянуло
что-то иное.

Песнь взыграла и угасала с тех пор, как
она в первый раз услышала её: пьянящую,
но

внушающую ужас, похожую на приятно пах-
нущую тазь, которая несёт жгучую боль.

В

скорби была глубокая красота, вековая
печаль

тронула её сердце как ничто другое. Та-
была

память о песне, отзвук сна, который
странни

ца не могла вспомнить.

-- Куда ты? -- спросил Хай-лиан, схватив
Анитей за руку, и тем вывел её из
заворожен-
ного транса.

Придя в себя, она заметила нечто в
тёмном

углу: носок сапога.

Анитей указала на находку другим, и они
собрались для осмотра. Эльдары
наткнулись
на труп, окутанный призрачными нитями
словно добыча паука шёлковым коконом.
Элеменат осторожно развёл нити,
открыв
эльдарку, которая казалась спящей, но
кожа
её была сухой как пергамент, а глаза
застлала
тёмная дымка. Тело окутывала броня
цвета
дымка, призрачные нити цеплялись за капюшон плаща, что впитывал свет и казалось
глубокой тенью. Она явно была бойцом: в кожаной
одежде были подсумки, кобуры и ножны
для бесчисленных кинжалов, длинных
ножей
и летов и другого оружия.

-- Род Комторры, -- прошептал Хай-лиан,
тревожно оглядываясь по сторонам широкий

ти и внимательными глазами.

— Она ужে умерла, — сказал Элеменат, на тягивая на лицо трупа грязный капюшон.

Её дух давно ушёл.

Он начал шептать заклинание, чтобы
зане

чатать тело от одержимости.

Анитей наблюдала за всем лишь
отстранён

но. Здесь песня была сильнее и шла не от
тела, не сочилась из разрыва в ткани
наутины. То

тум, то там стены были разбиты,
действитель

но расколоты, повсюду были разбросаны
осколки психопластика.

Близкое и настойчивое пение слышалось
позади. Покосившись на остальных,

Анитей
удостоверилась, что те останавливают
труп.

Она ускользнула, панихига танила,

странни
це было нужно услышать больше,
услышать
каждый печальный стих.

Её носок прикоснулся к чему-то среди обломков. Посмотрев вниз, Анитей увидела

по

хожий на опал камень размером с сжатый

кулак. Вновь проверив, что никто не остался

рим, странница быстро наклонилась, схватила

опал и сунула в карман глиняного плаща.

При прикосновении драгоценность по телу прошла дрожь, хор голосов достиг крещендо, прошедшего по нервам и погрузившегося в

память, принеся воспоминания о потере и боли: потере и боли целого города, который

обрекли на проклятие враги.

-- Здесь ты ничего не узнаешь, -- объявил

Элеменат, вставая. -- Я оповещу других о
но

вреждении, но боюсь, что уже слишком
позд

но. Ещё один проход, который будет
запечатан и потерян для нас навечно.

-- Так что, наезд на корабль? -- спросил
Силлион. Искатель приключений
повернулся

и увидел, что Анитей стоит чуть в
стороне от
остальных. -- Боявшись тёмных,
странниц?

Она тихонько и оттаяла от заворажи-
вающей песни.

-- Здесь слишком много тёмных, -- отве-
тила Анитей, пытаясь
сконцентрироваться, и
её слова эхом повторил хор в разуме.

Чувствуя, что кто-то стоит перед
дверью, Анитей быстро сунула камень в
сумку и отбросила

сила его за низкую кровать. Она легла на
про

стыню и позвала посетителя. Это был
Элеме

нат. Белый провидец снял тяжёлую
церемо

ниальную мантию и был одет в тонкую
тунику

и штаны без сапог. Его лицо было суровым.

-- Я не хочу стыдить тебя на виду остальных
них, но знаю, что ты что-то нашла в
Паутине.

Ты думаешь, что могла скрыть его лишь
помо

тү, что я не смотрел? Прошу, покажи мне
своё

тайное сокровище.

Анитей нерешительно перевернулась и
подняла сумку с пола. Она потянулась
внутрь, пальцы сомкнулись на камне.
Внезапно обес

покоенная странница замерла.

-- Зачем?

-- Я хочу удостовериться, что оно не причинит тебе вреда, -- сказал белый провидец.

Анитей видела заботу на лице Элемената, но она могла быть ложной. Возможно провидец тоже услышал пение и решил забрать камень себе.

-- Это будет неправильно, -- сказала странница. -- Оно твоё. Я нашла.

-- Я чувствую его груз в твоих мыслях, -- Элеменат шагнул вперёд и настойчиво протянул руку. -- Дай его мне.

Зависть и гнев наполнили Анитей. Белый провидец жаждал её сокровище, но он его не получит. Она протянула опал, но ударила бы

строго как змея, обрушив тяжёлый камень

на
висок белого провидца, череп мгновенно
рас

кололся. Элеменат безмолвно упал.
От прикосновения крови провидца хор за
шел громче, оплакивая его смерть, но одно
время прославляя убийство. Анишай
поло

жила камень и проволока по комнате
тело

Элемената, спрятав за кроватью.
Она невозмутимо села и вновь подобрала
опал.

-- Я отнесу тебя домой, -- сказала
странни
ца, проводя пальцем по холодной поверхно
сти.

-- Что это?
Анишай подняла взгляд и с ужасом
увидела, что в дверях стоит Силлион.
Глаза бывшего
пирата прищурились и метались тяждущи
Ани

тей, опалом и еле скрытым за ней
бледным

телом Элемената.

-- Что ты наделала?

-- Пое! -- зашипела Анитей, выхватив из
сумки нож. Она сделала выпад, но
ожидавший

нападения Силлион схватил её за
запястье, другой рукой сорвал с пояса
изогнутый кин

жал и одним плавным движением
перерезал

глотку странницы.

Опал выпал из слабеющих пальцев, но Сил
лион мгновенно отпустил запястье
Анитей, чтобы поймать камень прежде,
чем том

выпадёт. Он улыбнулся, когда в разум верну-
лась тузыка, и поздравил себя с
получением

добычи, которую захотел, едва услышав
зов.

Силлион едва успел камень, но словно

желал

заполучить его всю жизнь.

Хор призрачных теней пел долгий, печальный
гимн в грёзах Хай-лиана. Тысяча раз
по

тысяче голосов вздытались в скорби и
гневе, повествуя, как их предали. Он
чувствовал их

утрату стократ и шептал во сне,
вороился и

беспокойно вертелся. Духи должны были
быть

освобождены, чтобы отомстить убившим
их

тёмным предателям.

Хай-лиан проснулся в лихорадочном поту.

Ключ был близок, он чувствовал его
присутствие.

И нечто ещё: другой дух.

Чуть приоткрыл глаза, странник увидел в
гверях силуэт. Он сразу узнал Силлиона по
проекту и ощутил опасность. Хай-лиан
при

кинулся спящим и перекатился поближе к
ви

севшему у кровати поясу с кобурой,
протянув

к нему под подушкой руку.

-- Что ты делаешь? -- пробормотал странник, делая вид, что просыпается.

-- Он наш, -- голос Силлиона изменился, словно говорил не только он, а слова порождали в спальне странное эхо.

Рука Хай-лиана тетнулась к пистолету, но

палцы едва сомкнулись на рукояти, когда кинжал пирата погрузился в основание чере

на. Странник умер толчка, кровь потекла на

бельё, когда Силлион вырвал клинок.

Остался только один, а потом ключ будем

принадлежать ему одному. Силлион покинул

кортовые комнаты и вошёл в главный

отсек, направившись к комнате пилота.
Его отдало лишь несколько шагов от ка-
бины, когда пират пошатнулся,
закружилась
голова. Руки и ноги мгновенно ослабели,
Сил
лион опёрся на стену и рухнул. Кинжал
выпал
из онемевших пальцев, но он продолжал
при-
жимать к груди опал так, словно том-
был его
жизнью. Пирату было тяжело дышать,
каждый
дыхание наполнял грудь болью.
Так он и пролежал какое-то время, дрожа-
и
задыхаясь, перед глазами всё расплывалось.
За
тем впереди вспыхнул свет, наполнив
болью
оптические нервы и всё тело. Тени
нависла

над Силлионом, и он услышал

настениливый

хокот сквозь прилив крови к ушам.

-- Вижу, ты уже прикончил за теня
осталь

ных, -- сказал Зайн Жалир. -- Не важно, их
бы

тоже убил токсин. А у тебя есть кое-что
тоё.

Последние хриплые вздохи покидали бес
сильного пирата, когда пилот присел
рядом и

вырвал опал из скрюченных пальцев.
Очеред

ная судорога скрутила тело Силлиона, и
он

умер. Дух пирата наполнился скорбью за
точёных в камне.

Притившиесь в глубине теней арки, Зайн
Жалир слушал, как вдали стихает гул
проле

тевшего скифа. Он знал, что за ним
охотятся, и бросил вызов опасностям

низи, чтобы до

браться до логова. Взяток в порту вряд ли
бы

дем достаточно, чтобы остановить все
пере

толки о его воззвращении: эльдар ожидал
не

которого внимания после тайного путеше-
ствия через тёмное подбрюшье города.

Когда

он ждал, пока звук затихнет, Заин Жалир
про

тянул руку к мешочку на пояс с ключом к
Шаадому. Он ощущил прилив гордости,
зная, что освобождение родичей стало на-
шаг бли

же.

Заин Жалир узнал, что ключ покинул пре-
делы Бель-Санига, и оставил тёмный
город

ради его поисков, присоединившись к
белым

предвидцам в обличье изгнанника. Ему

побед

ло вом так вом найти ключ, но всё осталъное, что приведёт к освобождению Шаа-дома, бы

ло методично спланировано с рождения
Зайн

Жалира. Камней душ других -- особенно бе-
лого провидца -- будет достаточно, чтобы
на

брать десятки наёмников, и с ними он
восс

единится с другими отприсками Шаа-
дома, чтобы вернуть старую империю.

Близкое шипение вернуло Зайн Жалира с
небес на землю. Он слишком хорошо знал
этот звук, и сердце заколотилось в груди.
Он

скочив вправо, эльдар выхватил
пистолет, ко

гда үр-гүль прыгнул с вершины арки.
Очередь

ядовитых осколков ударила прямо в грудь
твари, разрывая гнилую плоть.

Слишком поздно Заин Жалир услышал других. Оглянувшись через плечо, он увидел в отраке ещё четырёх звероподобных созданий, чьи обонятельные щели расширились.

Зря он сюда пришёл, из всех опасностей сто

ило особенно избегать этих чудовищ. Заин

Жалира дошла горькая ирония стертия от лап

выродившихся беглецов из Шаа-дома.

Его клинок вонзился в глотку ближайшему кургулю, но когти третьего и четвёртого рас

полосовали руки и тело. Заин Жалир рухнул, твари набросились на него, разрывая и потро

ша, и воздух наполнился какофонией триум

фальных воплей.

Безразличная лапа вырвала реликвию Шаа-

дома из кровавых оштётков кожи,

түскүлов

и одежды и отбросила в тени. Ключ
остано

вился уискажённого побега кровавого тер-
новника, который быстро окутал камень с
алыми искрами.

Там он и остался в ожидании новых
жертв.

Сокровища Бель-Танига

Энди Чамберс

Переводчик: Йорик

На вершине цитадели Белого Пламени в
Верхней Комторре простиралась сады удо-
вольствий архонта Иллитиана. Густые
ряды

така грёз и цветов лотоса наполняли
пьяня

щим запахом холодный воздух внутренней
вершины. Сверкающие дорожки из расколо-
тых сапфиров петляли между вечного
изменя

ющимися фрактальными скульптурами,
что

сверкали в тусклом, ядовитом свете
шлтей, пойманых солнц. Обыкновенно сады
были
местом спокойных размышлений и не-
самых
кровавых удовольствий, но теперь стали
аре-
ной, где сошлись жаждущие бойни воюющие
разрушители.

Сам архонт стоял на высокой террасе и
от-
странённо наблюдал, как две шайки
грабите
лей носатся по дорожкам и вокруг
скользят
словно яркие шершни с клинками вместо
лап.

Все сидели на гравициклах, и бой был бы
стрём и яростным, вихри цветов на-
мгнове-
ние стапивались, выбрывались багровые
фон
таны. Обе шайки служили Иллитисану, но

их соперничество стало причинять неудобства.

Решение архонта стало простым: пустыни

забрали

тели решат свои споры в бою, пока он не сочтёт, что их бравада достаточно

выплешилась

лась. Пока же состязанию не было видно кон-

ца. Шайки разошлись и с безжалостной быстротой вновь встретились друг на друга.

К Иллитиану на террасе присоединились оба эльдара. Мужчина и женщина,

похожие

как брат и сестра, одетые в простые, облегаю-

щие госпехи цвета вымытого плаща и ка-

пюшонами из сутрачной пряжи, что впитывалась

светом и истекала тенью. Они были вооружены

жены как юбийцы -- длинноствольные

писто

леты, гарроты из тоноволокна и
разнообраз

ные ножи -- но безтолвные и нкүбы

Иллитиа

на не обращали на них внимания. То были
творения Иллитиана, существа,
выращенные

из одной клетки гемонкулом Сийином,
своей

ня, рождённая для верности и повиновения.

Иллитиан театрально поморщился, когда
внизу столкнулись в лоб два гравицикла, и
на

тиг отблески пламени придали его лицу
дья

вольский облик. Отвернувшись от бойни в
са

дя удовольствий, архонт обратился к ново-
прибывшим.

-- Вириад и Ксирил, мои ловкие руки. Вы
принесли мне много даров, жизней и безде-

лучек из шпилей Комторры. Готовы ли вы
пойти дальше?

-- Всегда, твой архонт, -- мягко сказала
Кси
рил.

-- Ты живёшь, чтобы служить, --
согласился
Вириаг.

На тих воцарилась тишина, нарушаемая
лишь боем и визгом проносившихся внизу
гравициклов.

-- Есть место за Вратами Шипов, где
Ливи

зия втекает в Розокийские Поля. Там
скрыт

портал, известный лишь самым древними
оби

мистериям Комторры и давно забывший
осталь

ныти. Эти врата ведут в Бель-Санис,
субцар

ство, подобно жемчужине лежащее между
складками варпа и материальной

вселенной.

Уже много эпох оно служит тайным хранилищем всевозможных реликвий со времён до Надения. Стражи Бель-Танига -- не дружи

никому, но они защищают определённые предметы, которые поместили туда Асгарда

эль Вект, габы те не достались соперникам.

Вы достанете для меня одну из реликвий.

-- Как она выглядит? -- спросила Ксирил.

-- Она не крупнее сжатого кулака.

Внутри

него могут появляться искры, движущиеся с

явной целью; не обращайте на них внимания.

-- Как его охраняют? -- спросил Вириаг.

-- Обитатели Бель-Таниг оставили ловуш

ки и патрули для поиски чужаков. Они --

трячнаѧ ветвь нашего вида, и давно
отринули

истинные пути эльдар. Их эззотеризм
слиш

ком скучен, чтобы подробно описывать, а
об

лик так странен, что они чуряются своих
ро

дичей и отдалили субъарство от великого
це

лого. Убейте кого встретите, но знайте,
что по

слухам стражи удивительны
тогущественны.

Очередной внезапный удар в садах подбросил
сил в воздух пылающие обломки
гравицикла.

Оставляя за собой след дыма и огня, они
они

сали в воздухе элегантную дугу и
полетели к

террасе, где неподвижно стоял Иллитиан.

-- Твой архонт... -- прошептала Кирил,

глядя на кувыркающиеся обломки.

-- Не бойся, дитя, все ходы просчитаны, --
улыбнулся Иллитиан. Яркий разряд про-
телькнул тежду ближайшей башней и
ныла
ющим гравициклом и мгновенно испарил
его

в режущей глаза вспышке тёмной энергии.

Ног прикрытием ослепительных
последствий

взрыва, архонт отдал своим посланникам
ещё

несколько сжатых инструкций, а затем
вновь

повернулся к бою. Он тихнул рукой,
отсыпая

пару, и предупредил напоследок. -- И не воз-
вращайтесь, пока не получите то, чего я
хочу.

Вириад и Кирил направлялись туда, куда
повелел их архонт. Выведенные и вырашен-
ные вместе, обученные работать как
команда

с единой целью эльдары были похожи
больше

чем близнецы, больше чем брат и сестра.

Эль

дары Комторры или, как они себя
называли, настоящие эльдары, подавляли
свои от при

роды сильные психические способности, по
тому что жили на краю обрыва, а в спину
ды

шала вечно голодная Та-Что-Жаждет. Без
оглядное использование сил разума вроде
те

лепатии, в ином случае естественных как
ды

хание, было для них подобно стертии и
даже

хуже.

Но не для связанных пар, таких как
Ксирил

и Вириаг. Их длившаяся всю жизнь связь
по

рождала эмпатию, позволявшую

действовать
с идеальной синхронностью; каждый тгно-
венно узнавал о мыслях и действиях
другого

ещё до их начала. Души таких эльдаров
были

так переплетены, что их утончённые
развлече-

чения не привлекали внимания
большинства

демонических сущностей.

Однако связанные пары в Комторре были
редкостью и не без причины. Каждая
полови-

на целого знала, что другая может
умереть в

любой момент, и страх разделения мог
отра-

чить их жизнь. Случались самоубийства,
как

по согласию, так и из злобы. И всё же
связан-

ных можно было обучить психометрии, ис-

күсстvу отслеживания психических

заряжен

ного объекта по уникальному «запаху»,
что

делало их превосходныи охотниками,
убий

цами и ворами.

Словно раздвоённая тень они спустились
из шпилей на внутреннюю вершину, а
оттуда

в полные анархии обширные кварталы ниж-
ней Комторры. Кровопролитие и убийство
были обычным делом на вершине, но по-
срав

нению с низами она была воплощением по-
коя. Здесь рабы и рождённые во плоти
тесни

лись в погоне за запретными удовольствия-
ми, терцающие зелёные знаки и яркие
вывес

ки обещали пути к забвению или
перегрузке

чувств, способной унести прочь печали по-

рочной вечной Комторры... хотя бы на
время.

Связанные близнецы пробирались тщетно
подобных искушений, не оглядываясь назад.
Лишь исполнение капризов господина при
носило им удовольствие. Они обходили
сто

роной уличные драки и разборки, пробира-
лись по задним аллеям и по крышам сквозь
тени к цели. Незамеченная безмолвныши
го

зорныши гвойня проскользнула через покры-
тую шипами огромную арку врат и
добралась

до застоявшегося потока, называемого
Ливи-
зией.

По покрывшемуся за тысячелетия коркой
грязи и изъеденному кислотой каналу
текла

Ливизия -- ленивый поток изустрахованной
тины, наполовину забитый крошащимися
костями

и другими, менее различными
отходами.

Ксирил и Вириад карабкались по берегу
слов

но тёмные науки и так пробрались тихо
да

раков рабов и ферм плоти к Розокийским
по

лям.

Ты близко! — пел разум Вириада.

Лишь к порталу, надо быть потом очень
осторожныти, предостерегла мысли
Ксирил.

Потом очень осторожныти, осторожныти
сейчас, эхом откликнулось сознание
Вириада.

Они вскарабкались на Розокийские Поля,
километровой ширины равнину земляных
курганов и заросших тростником прудов,
вклинившихся между двумя
выступающими
отрогами города. Здесь не было даже
лачуг

рабов из-за затасвавшихся үр-гүлей, тонкие
как

хлыст чудовища сожрали бы любого
неосто

рожного путника.

Наверх, к порталу, позвал разум Вириага.

Ксирил заметила металлическую плиту,
внешне неотличимую от сотен других,
покры

вающих подножие отрога. И почти сразу
услышала шипение втянутого в дрожащие
обонятельные щели воздуха -- звук үр-гүля
на

охоте. Вириаг уже взбирался по
остроконеч

ной опоре безо всяких проблем, Ксирил
прыг

нула и схватила его протянутую руку,
одно

временно выхватив пистолет, и
выстрелила

вслепую. Ядовитая щенка устремилась к
үр-

гүлю, невидимому для Кирилла, но ясно
разли

чимому её половине, и возникла в
такушку

безглазой твари, пытавшейся схватить её
за

лодыжку. Ургулъ рухнул на негнущиеся ла-
пы, а Вириад помог Кирилл забраться
наверх.

Откуда-то выбежал второй, а затем и
третий

троглодит, обонятельные щели
расширились

от запаха крови. Кирилл и Вириад
небрежно

пристрелили тварей и вместе
вскрабкались к
портalu.

По ту сторону врат их взору открылись
ты

такие и нематериальные туннели
Паутины, призрачной пряжей качающиеся
в пустоте.

Разрывы и дыры в стенах позволяли

тельком

увидеть кружящиеся тошнотворные
оттенки, елейные цвета Хаоса во всём его
первоиздан

ном величии. Кирилл и Вириаг
чувствовали

ледяное дыхание Той-Что-Жаждет и
проби

рались осторожно — демоны ступали по
этим

путьям, сдерживающие их обереги давно
раз

бились на части. Казалось невозможным,
что

эта секция Паутины вообще уцелела, и
лишь

после долгого блуждания по опасным прохо-
дам они обнаружили причину.

Сначала это казалось святилищем
дикарей, зиккуратом из рогатых черепов и
переломан

ных костей во славу свирепых богов.
Однако

внимательный осмотр открыл методичность строивших и выжженные на зиккурате ужас

ные руны. То был не храм, но предупреждение, призванное отпугнуть потенциальных исследователей и захватчиков судьбой их предшественников. Здесь был портал в сам

Бывель-Таниг, скрытый под костями
прокля

тых. Но Кирил и Бириаг не дрогнули и нача

ли откапывать древние врата.

-- Не слишком радышино, -- Кирилл с
трудом

отбросила череп.

-- Ожигаемо, -- сказал Бирнаг, поймав его и отложив в сторонку.

Внезапно Кирил вырвалась и отскочила, таща за собой близнеца. Тиг спустя святали

и из кости исчезло в ослепительной
вспышке

ке, вытягивающиеся обломки пронеслись тихо,
рикошетя от соплей и рассекая плащи.

Эхо

взрыв разнеслось по туннелю подобно
далёкому стеку. Подняв глаза, Вириад
увидел

открывшийся и внешне невредимый
портал

-- покрытую извилистыми письменами
при

ятым ю взгляд арку из похожего цветом на
тесь металла.

-- Грубо, -- проворчала Кирилл, стряхивая
с подола горстку вытягивающихся осколков.

-- Эффективно, -- признал Вириад, вырывая
из головы осколок кости.

-- Не очень, раз ты ещё живы, -- поправила
его половина.

Нем одинаковых субъектов. Каждое -- осо-
бенный мир, пузырь реальности, парящий
среди бурных потоков варп-пространства.

Большинство было создано в древние времена

на эльдаратах на пике могущества.
Крепости, гавани, гвозды удовольствий,
экзотические

сады, тайные логова -- из изменчивых
помо

ков сплетали все, а величайшим
субъектом

стал город-порт Компорра. Бель-Таниг
же

был совершенно иным, и возможно его даже
создали не эльдари.

Прячное, безжизненно алое небо субъекта
свещало далёкое серебряное солнце,
сверкавшее как-то странно. Но обеим
сторонам

нам возвышались запретенные башни из чёрного
металла, их сверкающие тёмные
бока

оплетали побеги исполинского
татарника.

Луки серебристого света двигались словно

ищущие пальцы -- слишком тщательно,
что

бы не наводить на мысль о направляющей
их

разуме.

Казавшаяся ничтожной среди этого чуждо-
го величия пара спустилась к заросшим
тер

новником тропинкам между башнями.

Густые

побеги, покрытые шипами размером с
руку, двигались медленно, но с ясными
намерени

ями, медленно стягивались, пытаясь
зажечь

ногу или руку, или подползали ближе,
когда

они задерживались на месте дольше, чем
на

мгновение.

Следуя загадочным указаниям господина,
Кирил и Вириаг углублялись в город в
ночи

ках особенного психического запаха

артефак

та. Они не видели никого, всюду царило
без

толвие, двигались лишь ленивые хищные
по

беги и рыщущие лучи солнца. С внешне слу-
чайными интервалами на улицы
открывался

путь из заборенных башен, их тёмные
настки

на уровне земли или высоко на стенах окруж-
жали горящие холодным огнём руны.

-- Думаешь, всё это порталы? Это город
 порталов? -- размышил Вириад.

-- Сконцентрируйся на обнаружении того,
 что желает наш архонт, -- проворчала
Ксирил.

-- Ничто другое не важно!

Движение впереди заставило обоих ин-
стинктивно замереть -- из башни
выступило

длиннорукое существо и направилось к

паре.

Четыре верхних конечности
заканчивались

метровыми изогнутыми клинками, а
тело и

голова были абстрактными скульптурами
из

брони лишь примерно гуманоидной формы.

Шипастый побег слегка прикоснулся к ло-
дыжке Кирилл, и она бросилась вперёд,
слов

но не замечая, что бежит прямо в лапы-
ски

титары тиртигонца.

Стертноносные удары обрушились подобно
толчиям, заставив Кирилла прыгать,
прыгать

и катиться через хваткий терновник. В
своем

вместении с невысказанным планом,
Бирнаг

запрыгнул на спину существа и вонзил в
ней

ное сочленение два кинжала. Четыре руки-
ски митара немедленно развернулись и
тес

нулись назад, чтобы заключить эльдара в
клетку клинков, но тот выскоцил, а
Ксирил

вонзила нож по рукоять в изогнутый
нагруд

ник воина, металл чернел от каждой
капли

кислоты. Она бросила клинок и
откатилась от

секущего контрудара, а затем осторожно
кру

жила вместе с Вириадом, пока соперник
уша

тался и метался. Существо, которое, как
она

теперь поняла, было автоматоном,
ослабело

и рухнуло словно живое, клинки
содрогались, когда коррозийный яд разъедал
его сердце.

-- Разочарован, сильным не назовёшь, --
фыркнул Вириаг.

-- Возможно, их будет больше... -- сказала
Ксирил, а затем поглядела наверх, на
ближне

ца, внезапно заметив, что воздух стал
светлее.

Белая дымка окутала один конец улицы и
стала

новилась всё ярче, пока на тёмной тропе
не

появился луч раскалённого серебристого
све

та.

Инстинктивно они побежали, направив
шись к входу, откуда появился автоматон.

Ко

лучие побеги на пути света переплетался
и

словно корчился от боли, отчего Вириагу

и

Ксирил приходилось на бегу подныривать

и

перескакивать через петляющие тернии.

Они

нырнули в проход, а прямо по пятам за ними

двигался луч, зловещий серебряный свет

от

бросил гротескные тени, когда проплыл

тило

укрытия и недолго задержался над

павшим

воином.

Боюсь солнце шпионит за нами, тигр

спустя

прошелтал разум Вириага.

Боюсь, что это вообще не солнце, так же

тихо ответила Кирилл.

После долгого, ужасного момента свет по

тускнел, ищущий луч двинулся дальше.

Ши

пящие, корчащиеся побеги вновь затихли,

и

пара рискнула выглянуть наружу.

Разбитого

война не стало, всё вокруг было очищено, словно спремено огромной темной. За спиной

безликие чёрные металлические стены кори

дора исчезали в непроглядной тьме.

Наружу или внутрь? Безмолвно размышил я

Вириаг.

Наружу, нам всё ещё нужно исполнить жела

ние архонта, подумала Кирил. И внутри нам

не найти безопасности.

Словно в ответ на мысль проход начал за крыиваться, неторопливо заскользили листья

металла. Они стрелой выскочили из сужаю

щегося прохода прежде, чем ворота закрылись со звучным хлопком. Повсюду вокруг нависали тёмные угловатые башни, загадоч

ные и необъяснимые. Эльдары встретились
вглубь, теперь выстремивая в небе
рыщущие

лучи, теперь уклоняясь от хищных
терний.

Наконец, они остановились.

Вот! Я чувствую! Триумфально подумал
Вираг.

Возможно, через мгновение согласилась
Ксирил. Я тоже слышу этот зов.
Бесчисленные

голоса ликуют словно прибой.

Или кричат в огне, застялся близнец.

Они шли по психическому следу через те
матические каньоны, выстремивая
воинов-

ташин. Наконец, впереди нависла
цитадель

из чёрного металла, приземистая и
многогла

вая по сравнению с соседями, наполовину
скрытая под переплетениями колючих
вет

вей. Побеги были толще, чем раньше, а на страже стояли два сверкающих стражи.

Где-то

наверху, среди шипастых минаретов на вер

шине цитадели, находилось то, чего желал

архонт Иллитиан.

Легче сдохнуть, чем забраться, вздохнула Кирилл, оттолкнувшись назад подползшее терно

вое щупальце.

Нет, если ты заберёшься с другой точки, подумал Вириад, показывая её разумному образ

другой башни, которая склонялась к цели.

В

одном месте она практически нависала над

широким балконом у вершины и выглядела относительно нетронутой побегами.

Сойдём, если сможем забраться, решила по

ловина.

Есть лишь один способ это выяснить,
закон

чил Вириаг.

Быстрые и безмолвные как тени эльдары
взбирались на нависшую башню. Липучки
на

ладонях и ступнях брони смогли
закрепиться

на тёмном металле, и они начали
карабкаться

дюйт за дюйтом. Они двигались медленно,
много раз им приходилось пятиться как
кам, чтобы избежать свисающего
тэрновника.

На трети пути Вириаг и Ксирил
замерли, ко

гда ищущий серебристый луч безмолвной
прошёл рядом, обжигая глаза
пронзительным

сиянием. Поднявшись выше, они обнаружили,
что незаметный на уровне земли
ветер всё

сильнее цепляется за конечности и плащи.

Уклон неумолимо повышался, когда они поднялись на сто метров, сверху сверкала башня. Одна из липучек Вириага скользну

ла, когда он тянулся наверх, и эльдар повис

над пропастью на ладони и ступне.

Ксирил

почти невольно поймала его текущуюся руку

и прижала к металлической поверхности.

На них оба замерли, тяжело дыша.

Мы достаточно высоко, смотри, подумала Ксирил., смело подумал Вириаг и напрягся, готовясь.

Вириаг увидел, что это так. Уже отдаляло от

балкона внизу почти десять метров-- и почти

такое же расстояние разделяло башню и ци

тадель.

[i]Одного хорошего прыжка будем доста

точно

Стой! Окликнула Кирил. Близнец немедленно замер.

Что там? Спросил он.

Ловушка для неосторожных. Видишь? Кирил вновь показала на балкон. Над ним было

натянуто нечто едва различимое, видное лишь с определённых углов — тонкая как на

ұтина сеть.

Проволока из тоноволокна, понял Вириад и

содрогнулся.

Хватит, чтобы устроить мясорубку, согла

силась Кирил. Молекуларной толщины сеть

способна рассечь в клочья, если к ней едва прикоснутся, что уж говорить о прыжке?

У меня ещё есть кислоты. Большая часть твоих ушла на разочаровавшего воина, заметил

близнец.

Держась пятками и одной рукой, Кирилл
помянулся, отцепила изумрудный пузырёк
и

ядом с пояса Вириага и бросила его на
балкон.

Прямо над поверхностью расцвело
зловещее

зелёное облако, проступили слабые очертания
линий там, где проволоку пожирала
кис

лома. Спустя мгновения плотная сеть
рухнула, её полностью поглотил токсин, а
затем ветер

унёс и облако, оставив лишь горстку почёра
невших нитей.

Кирилл и Вириаг прыгнули вместе,
кувырк

нубвшись, чтобы приземлиться на балкон.

Здесь психический след добычи был
сильнее, гораздо сильнее.

От сокрушительного прилива чувств Кирилл
пошатнулся. Вириаг странно на неё

но
стопрел.

Ничего! Рявкнуло сознание Ксирил. Сконцентрируйся!

Под покровом терний были видны три арки, ведущие с балкона. Ксирил шагнул к центральному и рассекла побеги быстрыми, умелыми взмахами клинка. Вновь нахлынуло со

крушимительный психический импульс добычи, и на этот раз заметно пошатнулся Вириад.

Такая боль и гнев! В сознание близнецца проинфицированного неизвестной болезнью неслась неуверенность. Может нам не стоить--

Даже не думай. Ты живёл, чтобы служить!

Приказала Ксирил, но и в её мыслях сквозил страх.

Вириад толча кивнул и взял себя в руки, укрепив разум против грохота и рёва, кото

рый им так не терпелось найти проник

новении в Бель-Саниг. За аркой коридор по

лого опускался и закручивался, уводя по спирали на следующий этаж. Они спускались осторожно, на каждом шагу ожидая ловушек.

Один круг по коридору, и стены вокруг эльда

ров исчезли, проход стенился изогнутым спуском в открытое пространство.

Они оказались в широком зале, еле освещённом, далёкие стены терялись в тьме.

С разными интервалами из пола поднималась угловатые плиты — многие

пустовали, но на других лежали разнообразные причуд

ливые предметы: самыти үзнаваемыши
были

черепа, рукояти течей и куски доспехов,
друг

гие выглядели как переплетения
металличе

ских колец или сложные гнёзда из
застывшие

го света. Приливной рёв- песнь заказа
архонта

доносился с плиты у чёрной стены ши-
тащил

Ксирил и Вириада вперёд, позволяя лишь
тельком взглянуть на эзотерические
арте

факты вокруг.

Внешне самый обыкновенный по сравне-
нию с соседями камень лежал неподвижно.

Размером с кулак, очень похож на опал, но
внутри парят искры света.

Близнецы торжествующе переглянулись.

Ксирил потянулся к камню, но
помедлила, когда Вириад посыпал плиту

подавляющей
сенсоры пылью, чтобы выявить возможные
ловушки. Затем её пальцы сомкнулись на
она

ле, и поток эмпатических энергий хлынул
в
разум.

--- Смерть! Гибель! Тьма! --- отдались в
это

лове безмолвные крики. Кирилл
пошатнулся
и почти уронила камень, лишь рука
ближнеца

помогла ей устоять на ногах при новой
это

циональной волне. Там были страх и гнев,
ненависть, гордость и триумф -- всё
смешало

лось в могучий завывающий психический
крик бешенства. Разум наполнился
образами

другого теста и другого времени: в огне ру-
шились башни, воняющие демоны отрачили

небо, приливная волна тёмной энергии не
слась вперёд и сама реальность раскалывала
сь на части.

Сильны! Мы должны быть сильны! Донёсся
сквозь бурю крик разума Вириага, и его
уве

ренность придала Кириллу сил. Её
самосозна

ние словно пузырь вырвалось из
круговорота

сокрушительных психических образов,
виде

ния угасли, и эльдарка напряглась,
плотнее

сжав опал.

-- Тебе стоит положить его на место, --
раздался из тряка странный голос.

Вириаг и Кирилл с невообразимой быстротой
выихватили оружие и одновременно
зевнули, чтобы встать спиной к спине,

пытаясь
разглядеть говорящего. Они увидели, как

разглядеть говорящего. Они увидели, как

из-
за плюта появилось несколько существ,
шагав
ших так неслышно, что тигр на зад
близнецы
бы в это не поверили.

-- Нет, -- решительно сказала Ксирил, и
на фоне воззвышенной речи новоприбывших её
собственный редко используемый голос про
зывал как хриплое карканье. Связанная
пара

бочком пятилась к подъёму, готовясь при
первой возможности удрать. К ним
прибли

жались четверо грациозных, терноножих
эль

даров, одетых в чёрные маски и держащих
хлысты из тёмного лемалла в форме
корча

щихся терний.

-- Он принесёт твоему народу великую
скорбь, -- предостерёг один, стеганув

плетью

по колену Вириага.

— Проклятые залы Шаадома должны остаться запечатанными навечно, — добавил

другой, и его терновый хлыст темнулся к
шее

Ксирил.

Связанные пришли в движение, они перепрыгнули через друг друга, чтобы избежать атак. Пистолет Вириага изрыгнул отравленные осколки в скрытое маской лицо, и нападавший рухнул. Ксирил парировала удар в руку близнеца, но она всё ещё была обременена, всё ещё сжимала опал.

Тернокожие кружили

во трактире, их очертания распались на клочья

порхающей тьмы.

Напуганная часть их обоих знала, что дер

жать камень значит лишить себя шансов на

выживание, не говоря уже о бегстве, но Кирил не могла его выпустить, словно раскалён

ный камень сплавил её пальцы.

Накатываю

щий психический рёв пытался заставить её

бежать к свободе без мысли о друзьях или врагах. Эльдарке приходилось бороться, что

бы оставаться и защищать близнеца.

Кирил могла биться лишь в пол силы, и натиск ускользающих эльдаров отбивал

Ви

риад. Он парировал очередной удар еле различимого врага и выстрелил вновь, на этом

раз цель упорхнула раньше, чем он спустил

курок. Два хлыста одновременно выбрались

из тымы. Кирил смогла блокировать один, но

второй обвился вокруг руки Вириага и ободрал её, разорвав броню словно шёлк. Терно кожий рванул хлыст на себя и почти повалил

эльдара, пистолет улетел в сторону.

Кирил

ощутила юкол паники Вириага, когда к нему

тетиулись кнуты, но уже бежала наверх.

Её преследовали гнев, ужас и понимание близнеца, но пульс опала в лихорадочной хватке заглушил даже длившуюся всю жизнь

связь. Теперь важно было лишь доставить ка

тень Иллитиану: бесчёмные тертьецы

Шаа-

дома толили, требовали, чтобы она сделала

это даже ценой половины души. Кирил вырвалась на балкон, зная, что Вириаг всё

ещё защищает подъём, изо всех сил пытаясь за-
держать ногоню.

Она бежала к краю, на ходу готовя свободог-
ной рукой «кошку» с крошечным гравитаци-
онным захватом на конце. В тиг прыжка
Кси

рил ощущила, что Вириаг погиб. Часты-
её

умерла, на месте ускользающей души
откры-
лась пустота.

Ксирил задохнулся, забыв обо всём, когда
боль потеря вонзилась в неё словно
раскалён-

ный нож. Лишив базовый инстинкт
самосохра-

нения заставил её метнуть петляющую
«кош-

ку» к проносящейся тигу башне,
гравитации

онный якорь зацепился, и падение
прекрати-

лось так резко, что Кирил почти
вывернуло

плечо. Она быстро соскользнула несколько
оставшихся метров. Сестра не стала
тратить

время, чтобы оглянуться на башню или за-
брать «кошку». Едва прикоснувшись к
земле, она побежала, влекомая камнем и
преследуе-

тая собственной виной.

Кирил бежала, а они гнались. Терноокие
эльдары, воины-ташины и серебряные лучи,
словно копья падающие с небес. Они гнались
за ней среди переплетений побегов и лаби-
ринтов улиц, ног угловатыми крышами и
по

крытыми шипами минаретами, гнались,
но

не могли найти. Теперь тёртые
направляли

Кирил и спасали сотни раз, пока она
тчалась
вперёд. Мелькающие искры роились

внутри

опала, психический пульс почти тащил
эль

дарку из одного места в другое, а
обитатели

Бель-Танига охотились. Кирил,
оглушённая

шоком потери, покорилась безмолвным по-
буждениям духов. Они утешали её,
наполняли

дыры в душе, откуда вырывали Вириага.

Ки-

рил поняла, что одновременно любит и
ненавидит опал.

Шаг за шагом они добрались до портала,
через который Кирил и Вириаг словно со-
всем недавно ступили в странный,
ужасный

город. Сестра-близнец чувствовала, что
уми

рала, скорбь высасывала из неё волю жить.
Конечно же, движались автоматически,

лишь

в предвкушении близости вечного отыска.
Вскрабкаться на башню с одной свободной
рукой было трудно, но Кирилл в голову не
пришло убрать опал. Тяжительно
тедленно

она добралась до портала и активировала
его.

Разорванная, призрачная паутина после
Бель-Танига казалась ледяной пустыней,
вы

рыбающаяся из дыр и брешей духовная буря
цеплялась за спину Кирилла тороznыши
когтя

ти. Опал, такой жгучий раныше, остыл и
бы

пал из бессильных пальцев. В сознании эль-
дарки осталось стальное воспоминание,
что

камень чем-то важен, но думать было
слиш

ком тяжело. Чтобы наклониться и
подобрать

его потребовались бы невероятные усилия,
способные оборвать тонкую нить её бытия.

Но ничего уже не было важно.

Что-то привлекло внимание Кирил. Нем
ляющий след тепла или знакомый запах?
Она

не могла сказать точно, но что-то было
знако

тное в ледяном ветре. Шатаясь, Кирил
пошла

к разорванным краям туннеля паутины.
Сна

ружи её звало нечто.

• • •

В верхней Комторре, на вершине
цитадели

Белого Пламени, архонт Иллитиан
раздражён

но нахмурился, когда драгоценность на его
запястье гважды сверкнула, а затем
погасла.

На тиг отвернувшись от состояния
борцов-

сслитов, эльдар лениво тахнүл трачному,

ис

каждыноту существу, что таилось среди
его в

остальном блестательной свиты. Горбун
засе

тенил вперед и униженно склонился,
странны

кругля изогнутой спиной.

-- Готовь другую связанныю пару, Сийин,
твои последние меня подвели, -- приказал
Иллитиан.

Он и без того стертально бледного лица
гемонкула быстро отхлынула вся кровь.

-- Могу ли я сделать усовершенствования?

-- заискивающе спросил Сийин. -- Я всегда
стараюсь улучить вам как можно лучшее,
той

архонт.

Иллитиан нехорошо на него покосился.

-- Сделай, как я сказал, или я скормлю
тебя

сслитам здесь и сейчас, понятно?

-- Как вам угодно, мой архонт, -- приторно
улыбнулся гемоникул, а затем быстро
скрылся.

Иллитиан продолжил смотреть, как
много

рукие змеи крашат друг друга ради его
удо

властвия, и уже вовсю размышил, как
пре

взойти неудачу в замысловатых планах.

Важ

но терпение. Он всегда знал, что враг ли
сто

жет так легко вернуть ключ к Шаа-дому.

Тер

пение и настойчивость всё равно позволяют
архонту добить его, а затем можно будет
на

чатъ исполнение великого плана.

Избавление Императора

Ник Кайл

Переводчик: Йорик

Кровь. Слишком много крови.

Руки Афины покрылись ею до локтей. Она погрузила пальцы в багрянью трясину раско

ломых рёбер и открытых органов. Сестра ис

кала артерию. Её было трудно найти среди

всех внутренностей и жидкости.

Перцающие

лютополосы над головой были тусклыми и почти бесполезными. Афина едва могла видеть рядом свою послушницу, протягивавшую хирургические инструменты.

Бетениэль

словно извинялась — лезвия и пилы были грубыми и прискорбно неудобными, но других в Избавлении Императора просто не было

ло. Это всё, что было у кого-либо в тени гряды

Дьявола на разорённом войной мире.

Афина протянула сильную окровавленную руку. Она пыталась вытереть её о халат,

но на

ногтях осталась красная корка -- кровь
впита

лась так глубоко, что кожу словно покрыл
налёт ржавчины. Другой рукой Афина
зажала

хлещущую кровью артерию.

-- Зажимы, сестра. Быстрее.

От взрыва крыша лазарета согнулась,
и

послушница засуетилась. Некоторые
инстру

менты с грохотом попадали на пол, но
зажи

ты Бетениэль нашла.

Афина остановила кровотечение и провор-
чала, зашивая вену, -- Ещё повезло, что
нам

не потребовались рёброрасширители.

Бомба зеленокожих разворотила большую
часть грудной клетки. И челюсть тоже.

Она обратилась к Бетениэль, -- Когда
жизнь

на волоске, ты должны быты

решительныти

даже перед лицом опасности. Это были
«Ма

родёры», бомбардировщики Имперского
фло

та, направляющиеся к развалинам улья
Гадес.

Послушница склонила голову в знак покаяния. Тут спустя она вздрогнула, когда Афина

отшвырнула рваную тряпку для протирки ин

струментов.

-- Трон и Око!

-- В чём дело, сестра? Я что-то сделал не так?

-- Даруй мне стойкость святой Катерины, -- прошептала Афина, знанием аквилы то

ля о прощении за богохульство, -- Нет...

Сестра провела рукой по лбу, оставив в по

ту багряную линию.

-- Мы больше ничего не можем сделать, --
Афина отключила медицинский
когитатор

рядом с койкой. Негативный сердечный от-
клика, плоская линия кровяного давления. --

Он умер.

Из теней выступил сероволосый санитар с
щетиной на лице и привлек внимание
Афины.

Сансон был ульевиком и до средних лет
делал

в стоках запчасти, пока Гадес не
разрушили.

Спокойный и готовый мужчина стал
хоро

шим санитаром. Он тихо пробирался
тимо

пропитанных кровью и потом кое-к-
раненных, тимо бесчисленных стонущих
людей, кото

рые поступали в лазарет лагеря каждый
го

рестный день.

-- Сестра, они прибыли.

-- На периметр? -- Афина на ходу снимала халат, направляясь к маленькомоту резервару с плоховатым санитарным душем и точалка ти. Служанки подошли с обоих сторон, когда сестра остановилась вымыть грязные руки, и сняли её медицинскую одежду. На мгновения Афина предстала обнажённой в полусвете -- сестра давно забыла о благопристойности пока её не облачили в белые одеяния с золотыми иконами.

Когда Афина повернулась к Сансону, она вновь стала официозной и благородной строй-госпитальером в облачении Агентства Со

роритас. Она прижимала к груди чётки
роза

рия, с конца которых свисал знак
пылающей

свечи. Тело облекли украшенные доспехи —
тонкий серебристый нагрудник и наручи.

На

конец, она накинула капюшон на чёрные
как

столб волосы, удерживаемые заколками по
зади.

— Да, γ реки Эвменид, — ответил
санитар.

Сансон помыпал взор, храня свою
честность.

Где-то в тенях было включено вокс-радио.
Над ним сгорбился рядовой, слушавший про
пагандистские сообщения с приглушённым
звуком.

++ ...невиновности не существует, есть
лишь разные степени вины. Свободу нужно
заслужить, нужно за неё сражаться.
Трусы, слабаки и нечестивцы не

заслуживаю т жизни.

Гадес рухнул с дрожащих плеч. Лишь
сильные

победят. Ты -- Злобные Десантники, ты
встретил угрозу лицом к лицу и... ++

-- Выключи эту хрень, -- Афина сердито
уставилась на солдата, рядового по имени
Колбер, которму хватило ума сделать
что

сказано. -- Лучше я буду слушать Яррика,
вос

певающего добродетели сопротивления,
чем

это.

Речи капитана Виньяра частое
разносилось

по частотам вонса, но его пропаганда
всегда

была направлена на пренебрежение к
слабым

и подчёркивание их бесполезности в войне.

Рассерженная сестра окликнула
Бемениэль, облачённую в менее броские

одеяния послуш

ницы. Та последовала за старшей, склонив голову.

-- Нужно ли оповестить об этом полковнику Гаунтману? -- из-за спины Афина раздался голос Сансона.

На тиг она остановилась. Полковник отвечал за защиту лагеря. Он был офицером

пято

го кадианского, славным солдатом и честным

человеком, понимавшим беду тех, кто не мог

себя защитить.

-- Сам и сообщи, -- ответила Афина, исчезая во траке. -- Он лежит перед тобой на койке.

Со спертью Элиаса Гаунтмана защита

из

бавления Императора легла на плечи других.

Афина видела, как они стоят на вершине

не

приглядного холма вдоль периметра
лагеря.

Сестра пыталась не думать о
размещённых

внизу тысячах беженцев из улья Гадес, о ра-
неных и о неумело сделанных блокгаузах,
об

антисанитарных условиях в её лазарете, о
трущихся в жертвецах и ямах, где их закапывали
предо

ставленные сервиторы. Хвори и грызуны
ста

новились проблемой. Афина стала носить
с

собой вне приёмной шоковую дубину и
убила

столько сточных крыс, что позабыл
бы

любой ульевик.

Она заметила, как рядом дрожит Бетени
эль, и на тиг сжала её руку.

-- Будь отважной, сестра. Они здесь,
чтобы

ты были в безопасности.

Но глядя на огромных рыцарей впереди,
чьё оружие висело наготове, на зарубки об
үбийствах и помятые доспехи, Афина чув
ствовала сомнение... и страх.

Двое, оба облачены в жёлтые как песок и
чёрные как ночная тьма доспехи, чьи
левые

наплечники украшала крылатая молния.

Оба

рыцаря в шлемах. Один напоминает клюв,
нарисованные по бокам щёбы придают вид
акульей пасти, другой попроше ---
тупоносый

и с ворс-решёткой.

Склонившись, Афина ощущила на себе взоры
зловещих рыцарей и попыталась сдержать
дрожь в городе.

-- Я старшая сестра Афины, а это моя по
слушница Бетениэль. Я рада, что такие
вели

кие воины сочли Избавление Императора

го

стойным своеї зашиты.

-- Не сочли, -- ответил склонив лицо. Он говорил разтеренно, но звучащие в голосе ноты

ки заставляли вспомнить о забытом клинке в ножнах на боку. Воин выступил вперед, резко глядя на женщину. На украшении нагрудной пластинки архаичными письменами было написано имя -- Немион.

-- Поясни, -- в глазах Афины была видна сталь и решимость, свидетельствующие о

том, что сестра не прогнем.

Заговорил другой. Его голос был скрипучим, но не таким резким, как у товарища.

-- Наша цель -- занять и удерживать позиции вдоль реки и лагерь. И всё, -- судя по госпеху, воина звали Варик.

-- Так кто отвечает за защиту лагеря? У меня более двенадцати тысяч беженцев,

тно
гие ранены, не говоря ужे о тысаче
служащих

Министору.

Брат Немиок подался вперёд, используя
для устрашения весь свой рост и вес.

-- Пристмотрите за собой, если сможете, --
он сердито уставился вдаль, не желая
больше

обсуждать этот вопрос.

Афина покачала головой. Бешениэль отча-
янно хотелось уйти, она даже отстелилась
по

тянуть старшую сестру. Пронзительный
взгляд Афины заставил послушницу отдер-
нуть руку, а затем обратился на
костодесант
ников.

-- Это неприемлемо. Я поговорю с полков-
ником Дестриером...

Немиок резко обернулся, гремя сочленени-
ями госпеха, -- Убирайся! И толись, чтобы

не

пришли орки.

Афина невольно попятилась. Сердце колотилось, она едва могла дышать, -- Но крайней

мере я хочу знать, кому вы служите.

Варик ответил прежде, чем Немиок решил

сделать что-нибудь более угрожающее.

-- Виньяр, капитан Злобных Десантников.

Теперь вернись в лагерь и считай это предупреждением.

Разговор окончен. Если она задержится, то

будет насилие. Оно буквально волнами исходило

от костодесантников. Бешениэль всхлипывала, не отставаясь поднять взгляд от сапог.

Афина пришлось помочь послушнице спуститься с грязного холма. Старшая

сестра

дрожала даже тогда, когда они добрались
до

относительной безопасности лагеря.

Пока Бетениэль потягивала из фляги Кол
бера зерновой ликёр, чтобы укрепить
нервы, Афина слушала в окс-радио.

++ ...не буду лгать. Мы несём потери в ре
гионе Эвтенис гор Диабло. Хотя сейчас
ты

должны отступить, крепитесь добрые
гражда

не, потому что ты соберёт войска и
вернёт

землю. Будьте бдительны. Зеленокожие
уже

на краю гор Диабло, но евва ли смогут их
не

рассечь. Боритесь, сражайтесь и вместе
ты по

бедим.

Речь Яррика означала, что будут новые
бои

женцы. Афина оглядела ряды коеч, думая
об

уже забытых гомах. Их «защитники»
оказа

лись чудовищами, прикидывающими ся
геро

ями. Она толила Императора с
тилосердии.

Немиок выстригивал в горах следы орков,
держа одну руку на стволе свисавшего с
плеча

комбиболтера.

— Брат, не делай этого больше.

Варик, чистивший от грязи цепной теч,
посмотрел наверх, — Не делай что?

— Не помворствуй этой женщине. Она
должна знать своё место. Помни о своём
ор

дене и долге, — Немиок сделал паузу,
чтобы

повернуться и встретить свирепый взгляд
брата. — Или я тебе напомню.

Пристыженный Варик лишь кивнул.

Немиок прислушался к передатчику в щеле.
— Мобильная артиллерия выдвигается на противоположную сторону лагеря, —
сказал

он через минуту. — Похоже, капитан
Виньяр

намерен нанести удар чуть раньше.

Он улыбнулся, когда увидел, как напротив их сторожевого поста из облака пыли появил-

лась танковая колонна, сверкая в солнечных

лучах солнца пусковыми установками ракет, но в улыбке не было ни радости, ни веселья.

• • •

Дождь в Избавлении Императора был хороший лишь чтобы стыдить кровь. И даже при

этом она скапливалаась в сточных ямах и

зарвурах, делая землю грязной и трудной для передвижения пешком или на

гүсеницах.

По земле текли ручьи густой красной
жижи, липнущей к сапогам и наполняющей
воздух

тяжёлым металлическим запахом.

Афина вышла под ливень в медицинском
халате, забыв о церемониях ради
прагматиз

ма. Бетениэль стояла на склоне, плотно
при

жимая к хрупкому телу плащ.

-- Мне нужна ваша помощь, -- обратилась
сестра к часовым костодесантникам,
надеясь

привлечь их внимание прямотой.

Немиок удосужился на неё постмотреть, --
Продолжай.

-- «Спасение», медицинский транспорт,
сломался. Он увяз, и на борту более
пятиком

раненых. Мне нужно как можно быстрее до-
ставить их в лазарет. Вы сильнее всех в
лагере

и сможете быстро вернуть транспорт на
дорогу

гү. Никакой защиты, -- пояснила она,
показы

вся ладони, -- просто спасение жизней.

Немиок ждал. Дождь торосил по лицу Афи-
ны, стекал по одежде. Она дрожала, как и
на

половину утонувшая послушница.

-- Прошу... вчера я говорила необдуманно,
но это не займет много времени. Умоляю.
Помогите.

Намеренно медленно Злобный Десантник
снял шлем и повесил его за шейный крючок
на пояс. В глазах не было жалости, рот
застыл

в устричке. Дождь хлестал по покрытому
ужасами шрамами лицу, но воин не
двигал

ся, не чувствовал. Словно сестра говорила
с

глыбой гранита.

-- Нет. Справившись и без нас.

-- Больше пятым раненых! -- взмолилась Афина. -- Вы можете спасти их, по крайней мере дать шанс.

Усмешка на лице Немиока превратилась в оскал. Он обнажил спату. Зазубренное лезвие было почти чёрным, ничего не могло убрать с него следы убийства.

-- Я ненавижу слабость, -- в тихом голосе послышалась угроза.

Но здешний Барик стоял в шлеме и смотрел вперёд.

-- А ты? -- спросила сестра. -- Ты тоже нам не поможешь?

Немиок рявкнул, -- Не смотри на него! Я говорю от имени Злобных Десантников. Убирайся и толись, чтобы я остался таким благородным.

Афина помчалась в бурю, дognав

Бетениэль

в нескольких метрах ниже.

Она вернулась спустя несколько часов -- окровавленная и падающая с ног от усталости, но держалась отстранённо. Дождь всё ещё шёл, хотя и стал слабее.

-- Ты был прав, -- безо всяких эмоций сказала Афина. -- Я выкопала «Спасение». На это

у шести рабочих сервиторов ушло четыре часа

са. Ты также потеряли половину раненых прежде, чем добрались до лазарета, -- её тём

ные как уголь глаза в сундаке были похожи на

куски льда. -- Я хочу чтобы ты знал, что даже

безмозглые рабы из плоти и металла прояви

ли большие сочувствия к людям, чем Ангелы

Императора.

Немиок ничего не сказал. Он даже не угодился ей заметить.

Лишь Варик выдал свой стыд неловким изменением позы. Он собирался сказать сестре

чуть, но её уже не было рядом.

Треск полех заставил Немиока проверить передатчик в ухе.

Его слова прозвучали как падающие камни,

-- Ты выбываетесь.

От дыма далёких пожарищ небо над горами

Диабло окрасилось в грязно оранжевый цвет.

Ветерносил приносил вонь горящих боеприпасов, деревьев и человеческой плоти. Иногда пахло

и чём-то другим -- чём-то резким, застоявшимся и грибным.

Бемениэль прижала к себе ноги, радуясь

то
тү, что старшая сестра вернулась
невреди
той.

-- И они ничего не сказали?

-- Молчали как истуканы, сестра, --
Афина

устала телом и душой. -- Я никогда не чувствовала такой холодности.

Они сидели перед лазаретом, дыша
свежим

воздухом.

Но заодно гудело радио.

++ Попытки выбить орков с гор Диабло провалились. Подразделения Имперской Гвардии уже выдвигались к гряде Дьявола и

удержат там зеленокожих. В качестве меры

предосторожности гражданским к югу от ре

ки Эвменис рекомендуется направиться по

далъше от гор и найти укрытие. Верьте
в Цп

ператора. ++

Воцарилась зловещая тишина.

Её нарушила напуганная Бетениэль, глядя
на утёсы.

-- Это близко к лагерю, -- сестра
прикусила

губу, и годы словно покинули её, оставив по
зади боящуюся темноты маленькую
девочку.

-- Может быть стоит перевезти
раненых?

Афина покачала головой, -- Их слишком
много. Нам придётся остаться здесь и
наде

яться, что их остановят кордоны
Гвардии.

-- А если нет?

Эхом с гор донесся такой рёв, что его
ярость

поглотила ответ сестры.

-- ВААААААААРГХ!!!

Афины вскочила. В голосе послышалась спешка.

-- Быстро внутрь.

После пребывания снаружи тяжёлый запах пота, крови и тонких толотом обрушился на

сестёр, когда они вбежали в лазарет.

Сансон

поднял взгляд с подноса с повязками и тарлей.

-- Что происходит?

Рядовой Колбер захромал к крючку на стена, где висел его пистолет.

-- Зеленокожие здесь, так? Кордоны их не остановят, -- ещё молодой рядовой за провёдённую в лазарете неделю постарел лет на

десять.

У Афины не было времени на объяснения.

-- Закрыть все двери и окна, -- приказала она Сансону. -- Пусть никто не выходит наружу

жү.
Две сестры-госпитальеры начали
молиться
в небольшой часовне.

Пронзительный вой над головой заставил
всех посмотреть наверх, почти три
тысячи

голов обратились к небу, толя о спасении.

-- Опять бомбардировщики? -- спросила
Бетениэль. Она смотрела, как дрожат
люто

пластини, и в мерцающем свете с
потолка

каскадом падает пыль.

Высота звука уменьшалась.

Афина медленно покачала головой.

-- Прячьтесь! В укрытие! -- закричала
она, и тут начали падать первые снаряды.

С вибрирующим ужасом грохотом обвалился
потолок. Погибшие госпитальеры
исчезли

под горой обломков, получив награду за пра-
ведность. Те, кто мог, прижали руки к

ушат.

Мощный взрыв разбил стены и расшибырял тела. Свет ногас секунду спустя, воцарились трак и паника.

Пережившая первый удар Афина ковыляла сквозь бойню. Бедный Сансон погиб, его из решетили и почти разорвали пополам облом

ки. Сестра держалась за Бетениэль, единственную, кого действительно могла спасти, и пыталась найти путь наружу.

Очередная раскалённая взрывная волна обрушилась на старшую сестру, повалила на

пол и унесла прочь сонм кричащих силэтов.

Нечто горячее брызнуло на лицо.
Пахнущее

тедью. Были и куски чего-то, иногда слишком твёрдые и острые, чтобы быть грязью.

Афина

кое-как поднялась, таща Бетениэль.

Она запоздало заметила, что из ушей
течёт

кровь. Постоянный гул оглушил сестру, по
этому она не услышала пронзительный
вой

перед очередным взрывом.

Снаряд упал дальше, разбросав трупы слов
но кровавый град. Изувеченные тела
попада

ли на землю, переплелись с обломками
коек.

Где-то вспыхнуло пламя. В красноватом
терцании Афина видела на полу лазарета
очертания изувеченных тел тужчин и
жен

щин, чуяла дым. Он стешался с
кордитовой

вонью тяжёлых тортур.

Орки в горах не используют тортурь.

Афина с ужасом поняла, что происходит.

Они посреди имперского обстрела.

На ощупь пробираясь в темноте

спомыка

ясь о тёртвых и умирающих, сестра
нащупала
край гвери.

Афина как раз собиралась рвануть гверы
на

себя, когда раздался оглушительный
грехот, и её подбросило в воздух.

Бемениэль закричала.

Немиок с неподдельным удовлетворением
смотрел, как падают снаряды. Хлынувших
с

гряды Дьявола зеленокожих разрывало на
ча

сти. Но загу «Вихри» продолжали
безжалост

ный и неразборчивый обстрел. В лагере бе-
женцев разлетались на части здания.

Некото

рые люди выбежали наружу, как только на-
чался обстрел.

-- Глупцы, -- прошептал он.

Тех, кто не погиб под огнём, растерзали

прорвавшиеся орки. Орда зеленокожих собиралась и стреляла в ответ, пытаясь начать контратаку.

Немиок переключил комбикомбат на новый автоматический режим.

-- Готов, брат?

-- Там внизу люди, -- сказал Варик.

Но Немиок лишь отмахнулся, -- И зелено кожие тоже.

Варик кивнул, нажимая на активацию цеп

ного теча. Они присоединятся к авангарду Злобных Десантников, прикреплённому к бронетанковой колонне.

Вместе со своими боевыми братьями Варик

и Немиок обрушились на лагерь.

Афина очнулась, кашляя кровью. Там, где сломались ребра, в левый бок словно вонзили

раскалённые ножи. Красная слюна

говорила о

внутреннем кровотечении. Голова
кружилась, как от сильного удара. Сверху
сочился свет.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы
понять, что от крыши лазарета ничего не
осталось. Афине открылся ужасный вид на
лежащие тела и оторванные конечности.

Кто-

то ещё дёргался и стонал. Большинство
лежало неподвижно.

Её отбросило на несколько метров от гве-
ри, которая повисла словно оторванная
коро-

ста. Бетениэль была рядом — живая, но в
шо

ке. На покрытом сажей лице застыла
катато

ническая гримаса ужаса.

— Пойдём, — тяжко сказала Афина. — Сле-
дуй за мной, сестра. Сюда...

Она протянула руку, но была вынуждена

схватить Бетениэль и поднять её на ноги. Но

слушница шаталась и двигалась так, словно

не видела ничего.

Вместе они выбрались из разбитого дверного проёма.

Лагерь окутал дым. Он был ещё гуще от тумана, который пришёл от реки и склонов

гор и словно саваном окутал Избавление

Им

ператора. Ветер доносил выстрелы и крики, такие громкие, что Афина сперва бросилась в

укрытие. Мёртвые лежали на залипших кровью

грязных улицах. На её глазах умерли и засты

ли мать и дочь, еле касаясь друг-друга паль

цами. В разбитом блокгаузе на окне повис пытавшийся выбраться гвардеец. Прямо

ног

ним на земле валялся пробитый шлем, а в руке покачивался лазган. Десятки сестёр, пра

ведных женщин, которых Афина знала много

лед, лежали в крови. Она отвела взгляд.

Из дыма вырвались чудовища с толстыми грудами зелёными шкурами. Огромные же стоящие звери пахли деревом и гнилью мясом.

Сестёр заметила среди бойни тварь широ

ким тесаком, левая рука зверя была обрублена

по локоть, а лоб украшала глубокая рана.

Он

орка шли такие волны насилия, что у

Афины

закружилась голова.

— Бог-Император... — прошептала она.

Зверь заревел, чувствуя добычу, и неуклюже

побежал. Пластины брони бились о
тускнули

стое тело, качались взятые с трюнов
трофеи из
мяса и костей.

На улице лежал и рядовой Колбер. Сквозь
расступившийся дым Афина увидела
застывшую на лице тряна решимость.

-- Оставайся здесь, -- сказала она Бетени
эль, которая потерянно кивнула, и
бросилась

к тёртвому солдату -- ближе к орку, но и
к пушке ближе. Афина вырвала оружие из
кобу

ры и натялась, пока не дошла до
Бетениэль, а
затем прицелились.

-- Стой! -- закричала она зверю, скорее
чтобы подбодрить себя, чем задержать
его.

Как и следовало ожидать, орк продолжал

жать. Афина выстрелила. Первый выстрел ушёл в толоко, второй попал в торс зеленоко жего. Тот хрюкнул, но не замедлился. Она стреляла вновь и вновь, опустошая энергию чейку пистолета, и толкалась о попадания в что-нибудь важное.

Орк обгорел и истекал кровью, но был жив. Зажужжал временно опустевший пистолет.

Афина бросила его и выхватила шоковую бину. Дорвавшийся до добычи орк замахнулся тесаком, чтобы снести ей голову. Сестра спешно отскочила и ударила его по колену. Зверь хохотал, собираясь убить их, когда за ним из дыма возникла тень. Время словно замедлилось, когда Афина увидела

вспышку

выстрела и поняла, что очередь болтера
по

надёт и в них.

-- Трон, нет! -- она закричала, бросаясь на землю и толясь, что послушница сделает то

же самое.

Сразу после выстрела Афина услышала крик. Это была Бетениэль.

-- Цель слева, -- пламя с рёвом вырвалось из болтера Немиока, разрывая пытавшегося

вылезти из кратера орка. За ним из под стволыный пусковой установки последовала

граната, которая перелетала через оставшие

гося на хвосте грузовика и поджарила водите

ля.

Другой орк, выбежавший из раскалённого дыма, рухнул без половины черепа.

-- Угроза устранена, -- сообщил Барик, боя оружием из стороны в сторону в поисках цели.

Они продвигались через лагерь, методично

расстреливая всех зеленокожих на своём пути

ти. Зачистить после обстрела

Избавление Им

ператора. Не сдерживаться. Так приказал ка

пиман Виньяр.

Слева очередь тяжёлого болтера разорвала

толпу оглушенных зеленокожих мародёров, оставив от них кровавые клочья. Брат Драго

не обратил внимания на бегущих через его линию огня людей, когда начал стрелять по

разбитой машине и тварям, пытавшимся снять с кузова тяжёлый стаббер. Всё

исчезло в
огромном взрыве и злыих вспышках
ленточной
пушки.

Из облаков выта спикировал лэндспидер.
Он низко завис, поднимая пыль работающими
ти на холостом ходу двигателями, и
нацелил
установленный на носу тяжёлый огнемёт
на
разрушенное здание.

Когда спидер начал разворачиваться, по
крытома порезами и хромающая женщина
за
кричала.

-- Внутри есть заперты люди!
-- С дороги, -- зарычал пилот, выпустив в
развалины стрелю раскалённого прометия.
Шатаясь, горящие орки и люди
выбирались
наружу. С сопротивлением было покончено,
когда стрелок развернул установленную на
борту штурмовую пушку и зажал спуск. Из

вращающегося символа вырвалась очередью

бы

сокоскоростных снарядов, которые
преврати

ли окна домика в стеклянную бурю и
убили

всех внутри. Затем десантник обратил
свой

гнев на горящих беглецов.

Жуткий стук раздался из шлема Немиока,
радующегося убийством.

-- Сорём их с лица земли! -- взревел он,
заметив группу сбежавших от обстрела
орков.

Немиок отцепил гранату и тетнул в них.

Когда ксеносов поглотил взрыв, он окликнул Варика, -- Брат, я хочу освятить свой
кли

нон кровью этих тварей!

Варик кивнул, сжимая стальной хваткой
цепной леч.

Орки, пусть и потрепанные, всё равно ринулись в бой, размахивая мечами и

рубила

ти. Варик отсёк голову одному, пока его
бое

вой брат пронзил другого. Немиок выпотро-
шил третьего прежде, чем Варик
прикончил

последнего, разрубив от паха до грудины
по

ганью тварь.

Убраав цепной теч в ножны, Немиок направ-
ился по узкой улице к площади.

-- Стой! -- но крик Варика пришёлся в глу-
хие уши, и он ринулся наперехват брата.

Немиок вышел между двумя вытянувшимися
блокгаузов и прицелился в спину
зеленокоже-

го. Тот был уже ранен, где-то потеряв
руку и

принял не один выстрел. Зверь рвался к до-
быче, которой Злобный Десантник не
видел и

видеть не хотел. Он застрелил орка,
взрыв

снарядов разорвал спину до костей. Когда же

ленокожий упал, Немиок увидел в нем
перемазан

нот кровью визоре двух женщин, которых
узнал. Он убрал палец со спускового
крючка, но было уже поздно.

Бемениэль терпела. Глаза широко
открыты, и она лежит на спине в
растянутой луже крови.

Её задел лишь осколок, но этого оказалось
достаточно для смертельной раны. Афина
держала послушницу в руках, шепча
молитву.

-- Святая Катерина, толю тебя, приведи
сю верную воительницу к Императору.
За

щими её душу в путешествии к Золотому
Тро

ну...

Афина не плакала. Её решимость была
твёрда как скала. Сестра плотнее
сжала оружие

жие Колбера и встала. Не чувствуя ни страха, ни сомнений, она направилась к гиганту в

чёрно-жёлтой броне.

— Ты — позор акулы, — сплюнула Афина, вскидывая лазпистолет.

Выстрел был почти в упор, но Немиок толь-

ко крякнул и пошатнулся. Он сорвал шлем, забыв о битве вокруг. На лице под ним засия-
ла маска чистой ненависти.

— За это проявление силы я позволю тебе увидеть моё лицо перед казнью, — зарычал Злобный Десантник, выпустив из рук пистолет на ремне болтер, и обнажил клинок.

Будем действовать болально.

От удара в неприкрытую челюсть Немиок потерял равновесие, а выпавшая из руки спа-

та вонзилась в землю.

— Ты и так опозорился.

Немиок выглядел так, словно собирался
помянуться за другим оружием, но замер,
ко

где его брат покачал головой.

-- Нет чести в хладнокровном убийстве не
винных, -- Варик повернулся к Афине. --

Уби

райся. В зоне боевых действий не место
для

сестры милосердия. Останься в живых и
при

неси хоть какую-то пользу, -- он забрал пи-
столет и раздавил его. -- Я не стану
сдержи

ваться, если ты ещё раз прицелишься в
моих

братьев.

Она кивнула, поняв, чем ради её жизни по-
жертвовал Варик.

Афина бросилась к Бетениэль. Их нашла
другая группа беженцев и помогла
положить

тело в полусенничный транспорт

Имперской

Гвардии. Они поехали на юг, прочь от орков и

гряды Дьявола. На окраине лагеря всё ещё кишили спускающиеся с гор зеленокожие.

Сестра не знала, что заставило Варика вме-

шаться. Возможно в костодесантниках было

больше сострадания, чем она полагала. Не

важно. Сострадание не принесёт победу.

Это

стожет сделать только Яррик.

Наверху вновь начался обстрел, унося мысли и прижимая орков к земле. Пройдёт не сколько часов, прежде чем закончится битва.

Погибнут ещё многие гражданские. Лишь

многие познают избавление Императора.

Варик держал брата на виду, пока не удостоверился, что его гнев утих.

-- Ты об этом пожалеешь, -- сказал

Немиок.

-- Ты зашёл слишком далеко.

Раздался частый стук тяжёлых
двигателей, и они посмотрели на небо,
чтобы увидеть, как
вдали заходит на посадку эскадрилья
десант

но-штурмовых кораблей.

-- А вот теперь будут проблемы... -- про
шептал Варик.

Зелёные как лес корабли украшала голова
рычащего огненного дракона. Они
принадле
жали Саламандрам.

Виньяр сорвал перчатку, откинувшись на
троне в казармах Злобных Десантников --
сү

трачном железобетонном здании,
обустроен
ном с аскетизмом, который и следовало
ожи

дать от ордена пуритан. Капитан держал
значёна и трофеи при себе. Они были един

ственнымыи, что украшало пустую комнату

кро

же широкого стола-страгегиума, на
котором

были разложены груды карт и
инфопланиш
тоб.

Один из них, доклад об обстреле Избавле-
ния Императора, и просматривал
капитан, не

считая нужным смотреть на безмолвно-
стоящих

ших рядом воителей.

-- Сколько погибло людей?

-- Примерно четыре тысячи, сэр.

-- А орки?

-- Полностью истреблены.

Виньяр положил планшет и улыбнулся
гвут воинам.

-- Приемлемые потери.

-- Так же серьёзно повреждены здания.

-- Не важно, -- отмахнулся капитан. -- Зе-

ленокожие бегут, Злобные Десантники
торже
ствуют.

-- А что штаб Армагеддона? Я слышал
они
собирались наложить на нас санкции.

Виньяр презрительно расхохотался.

-- Брат Варик, Дестриеру напомнили о
его
месте и цели в этой войне. С его стороны
больше не будет проблем.

Воины задержались, отчего капитан спро-
сил, -- Что-то ещё?

Варик ожидал обличающего рассказа Не-
тиока о произошедшем с сестрой Афиной,
но
ответ удивил его.

-- Нет, сэр, -- прохрипел он сквозь сжатые
зубы.

-- Тогда можете идти.

Воины отдали честь, повернувшись и
вышли.

Виньяр рассматривал карты на стратегию

те, планируя следующую атаку, когда услы

шал, как открылась дверь казармы.

-- Передумал, Немиок? -- спросил капитан, поднимая взгляд, но увидел другого. Виньяр оскалился. -- Ты.

Перед ним стоял воин с кожей цвета оникса, облачённый в зелёный как лес доспех. С широких плеч свисал чешуйчатый плащ,

за

креплённый под позолоченные наплечники. Броню украшали драконы и патя,

то

лоты и наковальни. А голос был глубоким
как

сама бездна.

-- Я разговаривал с полковником Дестрие
ром, -- сказал воин, -- а также стал
свидете

лем приложения излишней силы в Избавле
нии Императора и узнал о гибели гражда

ских.

-- На любой войне есть побочный ущерб, --
возразил Виньяр. -- Если бы я не
действовал
так решительно, то по лагерю бы всё ещё
но
сились орки. Добавок трусы недостойны
по
щады.

Воин в зелёном доспехе снял со спины гро-
товой молот и обрушил его на стол,
круша
инфопланшеты и разрывая карты. Затем
он
заговорил, отстёгивая кобуру.

-- Виньяр, ты неправильно понял цель мо-
его визита, -- глаза воителя вспыхнули
блеском
вым огнём. -- Дискуссии не будет, -- он
поко-
сился на снятые Злобным Десантником
пер-
чатки. -- Надень. Я хочу, чтобы это было

чест

но.

Капитан задохнулся от злости, но всё равно

потянулся за перчатками, -- О чём ты
гово

ришь, Түшан?

-- О преступлении и наказании, --
ответил

великий мастер Саламандр. Он с
хрустом

покачал головой, разтиная шею.

-- Я дам тебе один совет, -- добавил он,
сжимая и разжимая кулаки. -- Не тянись
за

оружием.

Затем Түшан закрыл дверь казармы.

Warhammer Battles

Fantasy

Поступь смерти

Крис Райт

Переводчик: 4rj

Матильда кричала.

Её губы скривились, дряблое тело задрожало. Капельки слюны, словно яркие жемчужины, взметнулись в воздух.

Мужчины и женщины вокруг неё тоже кричали. Махали исхудавшими руками, обёрнутыми в рванину из грязной шерсти и кожи.

Сжатые добела кулаки, туго надутые канаты

вен на шеях.

Страха не было. Они давно разучились бояться. Не забыли только ненависть, славу

и
саму жизнь. Всё их существование
преврати-
лось в бесполезный, нескончаемый крик
единодушия и жестокости.
Они побежали. Вверх по скользкому от грязи
и склону, взбивая ногами слякоть,
оступаясь
и падая друг на друга, только бы
добраться до
врага.

Охрипшая от нескончаемого крика, Ма-
тильда неслась в первых рядах. Она
тяжело
поднималась вверх, цепляясь свободной рукой
за землю, поскользываясь на истоптан-
ной траве.

Проливной дождь превращал изборождён-
ную ногами грязь в скользкое серое болото.
Низкое, тёмное небо свысока хмурилось на
них. Далеко на востоке раскачивался
грешный

чий, густой, словно спутанные волосы,

Драквальдский лес.

На горе стояли зверолюди.

Они ревели и топали копытами, трясли
тү

пыти клинками и размахивали
значёнати из
рваных шкур.

Сотни их собирались здесь. Они стергели
тухлой кровью, тускесом и покрытыми
шкура

ти. Хриплым оглушительным рёвом они
бро

сали людям вызов.

— Стерть нечистыи! — проорала Матильда.

Она добралась до гребня горы и бросилась
в толчью уродливых тел.

Словно два потоки стока с грохотом со
шлись две армии. Ни ярких бликов на начи-
щенных доспехах, ни цветастых стягов,
раз

бывающих в лучах солнца. Пенящие

тысячи с
каждой стороны. Каждый открытый
участок
кожи измазан грязью или покрыт
коростами, болячками и гнойными
ранами. Люди пахли
не лучше животных, а некоторые своим ви-
дом напоминали их даже больше чем зверо-
люды.

Враги рубили, кололи, били, тыкали и ду-
шили друг друга. Ни стратегии, ни
тактики, только голая ненависть.
Гор с лошадиной торбой неуклюже замах-
нулся на Матильду, та пригнулась, но
прежде

чем смогла ударить в ответ, лысый
мужчина с
ожогом в виде кометы на лице снёс
зверолюду
голову.

На её пути выброс худой ангел с
костлявыми
лапами и серой кожей. Он таинственен

стамеской, темя ей в голову и
рассчитывая, что она ответит секачом.

Матильда расхохоталась и хорошенько
приложила его кулаком. Когда голову
ангора

дёрнуло назад, она заслезилась снова,
потом

ещё, когда врезала ему по лорде: она
хихика

ла, погружая пальцы в глазницы, чтобы
выига

вить студенистые шарики, прячущиеся
внутри

три, фыркала как маленькая девчонка,
разры

вая ангору глотку, тощныши рывками
выиги

рая сухожилия и выворачивая позвоночные
хрящи.

Звери были на голову выше людей. Силь-
нее, лучше вооружены и одержимы
присущим

всему их роду коварством и жаждой

битвы.

Но на них, словно река в половодье, набросились артия орущих фанатиков — они нахлы

нули на их защитные порядки и сошлись в рукопашной.

Десятки воинов пали во время нелепого подъёта. Ещё больше было вырезано, когда фанатики сошлись с врагом вплотную. Их из

бивали до смерти, пускали кишки острый же

лезом, потрошили жуткого вида клыками.

Но людям было плевать, их это не останов

ливало. Они теснили зверей, вытирая кровь с

распахнутых глаз, в унисон распевая хвалы Зигтару. Они были единыим целым, одной сущностью, воплощённым отщением.

Завидев крупного варгора с красными глазами и слюнявой пастью, Татильда разверну

лась и резко отмахнула секачом, отбивая
несу

щийся на неё кинжал. От удара по руке
про

шла дрожь. В том же момент она
бросилась

вплотную к противнику и, отводя секач
назад

и в бок, вцепилась пальцами ему в торс,
стараясь дотянуться до его красных глаз,
словно это были рубины.

Гор отмахнулся от неё и ударом
огромного

кулака свалил Матильду на колени. Он
высил

ся над ней, готовясь нанести смертельный
удар.

Матильду шатало, перед глазами всё плыло. Странно она почувствовала, что вони
вон

утрёт, и от этого её неожиданно бросило
в

яростный экстаз.

Он возвращалась к Зигтару и, оглядываясь в поисках противника, с трудом поднялась с колен.

Но горы уже исчезли. На его месте стоял высокий мужчина. В тяжёлых, тусклых от дождя

доспехах, он ярко выделялся среди прочих людей. Сквозь пелену ливня виднелось угловатое лицо с грубыми чертами — сочувствия не

больше чем у чугунной болванки.
Фрагмент

священного писания был тщательно привязан к его

лбу ремешками из торённой кожи. Мощные руки, закованые в серую сталь, сжимали штатив

железный боевой топор. И кровь — кровь убитого гора — грязными ручейками стекала с рукояти.

У Матильды словно выросли крылья. Если

до этого она и так вопила не переставая,
то

теперь её крики стали ещё громче.

-- Отче! -- проревела она, коснувшись
пальцами ожога в виде кометы на лбу.
Повсю

ду вокруг неё фанатики подхватили крик.

Отец Всемогущий!

Лютор Гус из Церкви Зигтара, человек,
давший Матильде всё и столько же
потребо

вавший взамен, если и слышал её, то виду
не

ногал. Он шагал вперёд, размахивая огром-
ным толотом, будто нёрышком; лицо
было

непроницаемо, словно железная маска, тон-
кие, упрямо сжатые губы разомкнулись
лишь

раз, только чтобы выполнить одно-един-
ственное слово.

Матильда была далеко и не слышала, что

он сказал. Она снова сражалась, рубя своим
секачом во славу Зигтара. В суете и
грехоте

праведной битвы слова утрачивали всякий
стысл.

Но слово было сказано. В вихре жестокой
резни он тихо произнёс его, и том час же
то

лом ожил вновь.

-- Кольсдорф, -- вымолвил он, и голос его
был полон горечи.

-- Ну, знаешь, ты просишь невозможного,

-- произнёс маркграф Борис фон Ахен.

Его голос был спокоен, даже добр. Толстые
губы, блестевшие от выпитого недавно
вина, растянулись в деланой улыбке.

Лютор обернулся, на лице священника бы
ло написано презрение.

-- Я никогда не прошу невозможного, --

ответил Гусс, его низкий голос был
спокоен.

-- Всё выполнимо с благословения

Зигтара, и

я прошу тебя исполнить Его волю, а
значит, прошу лишь того, что можно
претворить в
жизнь.

Фон Ахен заморгал и удивленно
посмотрел
по сторонам.

-- Замечательно. Образованный священник.

Он откинулся в своё кресло, и его жирный подбородок затрясся.

Маркграф был разодет в горностаевые меха

и шелковые одежды, плотно облегающие его
круглое брюхо. Воздле него на низких деревян-

ных креслах полукругом сидели восемь бургевов. До полудня было ещё далеко, но у стен

в приёмной уже горели факела.

Гусс стоял перед собравшимися: ноги рас-

ставлены широко, плечи расправлены,
руки

сжимают навершие боевого топора. Свет
фа

келов отражался на его тяжёлой броне и
брюхе

той голове. Он был на целый фут выше
самого

крупного из присутствующих, а плечи по-
шли

рине не уступали фон Ахенову брюху.

Небеса за стенами здания хмурились от
предстоящей грозы. На полу валялась
старая

солома, потрескавшийся камень на стенах
был чем-то испачкан.

Не самое богатое местечко этом
Кольсдорф.

Гусс то и дело оглядывал
присутствующих, и когда его взгляд падал
на лица сидевших

перед ним бургеров, те один за другим
они

кали глаза.

-- Зверолюди выходят из Драквальда. --
сказал он. -- Их можно победить, но лишь
силой можно вселить в них страх. Членно
сейчас, пока стадная ярость не выгнала из
лес

са ещё больше тварей. Если ждать их
здесь, опьянённые кровью звери, перебьют
вас всех.

Фон Ахен взял тахнул в сторону стены.

-- Эти стены толщиной в пять футов, свя-
щенник. У нас есть ратники, есть
укрепления

и припасы. Даже тысяча зверолюдов не вой-
дёт сюда.

Гусс нахмурился.

-- Ваши люди в опасности. Деревни
окрест

уже горят.

Фон Ахен дёрнул бровью.

-- Твои люди? -- он слегка скривился от
отвращения. -- Если те, кто воюет там
о по

тощи так и не догадались искать
убежища в
городе, то вскоре они поплатятся за свою
глупость.

Маркграф покачал головой.

-- Я уже распорядился. Никто с тобой не
пойдёт. За этими стенами ты будешь
один.

Гусс терпеливо слушал, ни один тусклый не
дрогнул на его лице, только в чёрных
глазах, ярко выделяющихся на фоне
бледной кожи, тускло блеснул огонь.

-- Я не буду один, -- тихо сказал он.
Фон Ахен с сожалением посмотрел на него
и, словно объясняя что-то деревенскому
стаку, продолжил:

-- Послушай, отсюда до опушки леса регу-
лярных войск нет. Может зверьё их
разорит наши деревни, но это лишь вынужрит
ярость

из их голов, а нам будем стоять только
кре

стьян. Останься и пережди бурю здесь.

И только тогда глаза Гусса засверкали
яростным огнем. Лишь при упоминании
кре

стьян он повысил голос.

-- Они сыны и дочери Хельденхамтера.
Он по-прежнему говорил спокойно, но тон
был уже другим.

-- Его возлюбленные дети. Ради них Он
проливал слёзы и кровь. Они -- душа Импе-
рии, Его наследие и слава.

Речь эхом разнеслась по зале, и бургеры
нервно заёрзали в своих креслах. Пламя
факе

лов, кажется, внезапно стало ярче.

-- Если вы не будете сражаться за них, я
буду.

Я покажу им, кем они могут стать.
Зажги их

сердца священным огнем, наполни их
члены

силой предков. Я не вспомню об их скорбной
жизни, но помяну их ярость.

Он вскинул толот и крепко сжал его обеи
ти руками.

-- Я дам зверю бой. Я отправлюсь на
восток

и изгоню скверну из царства людей.

Фон Ахен сглотнул, силясь не отвести
взгляда от безжалостных глаз Гусса.

-- И когда закончу, я вернусь, -- с нескры
ваемым отвращением продолжил
священник.

-- Погибь, маркграф, чтобы я сделал это
до

того, как звери разорвут тебе глотку и
пожрут

твою бесполезную, жирную плоть.

...

...

Едкая вонь от костров наполнила сырой

...

воздух. По перепаханной земле тяжёлыми

струя полз чёрный, жирный дым. Ветер хлестал его, тащил клоны по полу браны.

Не обращая внимания на кровь, заляпав шёлк лохмотья и пронизывающий ветер, фа

натики стояли на коленях и толились.

Трупы

зверолюдов стащили в кучи и подожгли.

Но

прежде чем их облили маслом, каждое тело

было ритуально обезображен -- и не вырывали глаза или отрезали когтистые пальцы. Не

лочь, но для фанатиков она значила многое.

Лишь праведники -- люди, защитники Дракварда -- уходили на вечный покой такими, как были убиты.

Гусс стоял на гребне холма и, скрестив руки, наблюдал, как на зараде затухает

бледный

солнечный свет. По доспехам барабанил
дождь, стыбая со стальных пластин кровь.
Четырнадцать дней он собирал в лесах раз-
бежавшихся людей, пытаясь сбить из-
целев-
ших некое подобие войска. Четырнадцать
дней прошло с тех пор, как он оставил в
трач-
ном, грязном городишке того толстяка с
его
призрачными надеждами на спасение.
Лишь теперь он возвращался назад, следуя
за растущими бандами зверолюдов, направ-
ляющимися на запад к вожделенной добыче.
Пока он смотрел, из сгущающегося
сумрака
вышла колонна. Люди шли медленно,
хромая
и таща за собой тяжёлые тюки. На телах
неко-
торых зияли жуткие раны. Глаза были
усталы

и пусты.

Гусс подождал, пока они подойдут. Он толчал, но взгляд его непроницаемых, холодных глаз чуточку стягчился.

-- Поднимитесь, -- приказал священник, когда первый из новоприбывших доковылял до света костров.

Вокруг него армия фанатиков встала с колен и жадно открыла глаза. Они обернулись, чтобы рассмотреть новичков.

В их усталых

лицах не было враждебности -- здесь, среди

диких лесов все они находились одинаково

отчаянном положении.

Путник подошёл к Гуссу, остановившись в нескольких шагах от великана. Тощий, с гряз

ной бородой и красными кругами вокруг глаз.

Под разорванной звериными когтями руба

хой были видны проступающие сквозь кожу
рёбра.

— Ты Гусс? — сипло спросил он.

Священник кивнул.

— Чего ты ищешь?

Человечек опустил плечи. Казалось, он го-
тов был разрыгаться от отчаяния. Все,
кто

стоял позади него тоже. Они были
раздавле-

ны. Истари здесь, в непроходимых
болотах

на севере Империи говорили, что выжить
по

сле нападения зверолюдов — хуже смерти.

— Я не знаю, — он хрюкал от горя и устало-
сти. Горький стыд не давал поднять глаз.

— Милости Зигтара... Я не знаю!

Лютор подошёл и положил руку ему на
плечо.

Для этого ему пришлось наклониться.

Движение было мягким — эти мощные

руки, в припадке священной ярости
разрывавшие
зверолюдов напополам, стали теперь
нежны.

-- Я научу тебя, сын Зигтара, -- начал он.
Голос был тих, но в нём чувствовалась
власт
ность.

Человечек взглянул на священника и его
красные от слёз глаза выделили помятёное
же
лание. Его дрожащие на ветру собратья в
лохмотьях так же смотрели на Гусса.

-- Я дам вам оружие, и решимость его ис-
пользовать. Волю в вас новые силы.
Сделаю
вас орудием в руках Повелителя Человече-
ства.

Гусс указал на кучи пылающей зверолюд-
ской плоти.

-- Вот что ты сделали с ними. И так
будет с
каждым. Вверьте мне свои души,

позвольте

тне слепить из вас своих приверженцев, и
вы

може так стможете.

Гусс наклонился ёщё ближе, его глаза буки
вально вцепились в измождённое лицо пур-
ника.

-- Ты сделаешь это, сын Зигтара? Отдашь
себя?

Том глядел на него, и в слезящихся глазах
засветилась глубокая, отчаянная надежда.

-- Да, -- выдавил он. -- Научи, как служить
тебе, господин. Научи убивать за тебя.

Фанатикам не терпелось принять в свои
ряды свежую кровь, и повсюду среди них
уже

раздавались толитвы и хвалы Зигтару.
Безо

всяких приказов несколько бойцов подошли
к Гуссу. В руках у них были длинные
металли-
ческие прутья, на концах которых гневно-

але

ли раскалённые в пламени костров клейма
в
форме гвоздик с хвостом кометы.

Гусс взял один. Он поднёс прут к путнику,
и от клейма распространился дрожащий
свет.

Глаза человека расширились от страха,
но он
остался не отступил.

-- Это знак служения, -- произнёс Гусс,
опуская клеймо на лоб дрожащего
мужчины.

-- Тёмка надвигающейся смерти.

С этими словами он прижал прут ко лбу.

-- Отбрось страх. Боль титанова. Снасение, истинно говорю тебе, вечно.

Они шли по усеянной тряпками земле на
запад от Драквальдского леса, к излучине
реки,

ползущей, словно полоска серого
тепала

через обугленные равнины.

Распевая на ходу толитвы, фанатики
спеш

но шагали вперёд. Они пробирались через
океаны чёрной грязи, не обращая внимания
на ветер, швыряющий им в лицо потоки
го

жда и мокрого снега, не чувствуя старых
не
заживающих ран.

Во главе колонны четыре здоровяка в проч-
ных кожаных камзолах несли над головами
жаровни, в которых никогда не затухал
огонь.

Там, в железных клетях ревело пламя,
алое, словно сердце праведника. За-
жаровнями тя

нулся след чёрного, маслянистого дыма.
Фанатики проходили через разорённые де-
ревни. Стены домов были разрушены до
осно

вания, соломенные крыши — сожжены, ко-
лодцы — загажены. Повсюду лежали зловон-
ные следы пребывания зверолюдов. На гли-

чистой почве -- отпечатки копыт,
глубокие, заполненные водой.

Воины останавливались лишь для того,
чтобы сорвать звериные стяги:
измазанные

кровью кривые шесты, увенчанные
черепами

и перьями. Шесты были ритуальны
изрублены

на куски, и Гусс изгонял из них духов разру-
шения.

И снова на марше, тяжёлый, изматываю-
щий переход. Всё время на запад, под-
оглуша

ющий аккомпанемент хвалебных
песнопений

и пылких криков.

К ним постоянно прибивались новобран-
цы. Они шли отовсюду: привлечённые шум-
ным ором, по случайности набредавшие на
колонну, или, возможно, ведомые некой не-
зримой силой. Теперь войско Гусса
перевали

ло за тысячу. Он клейтил знаком кометы каждого, кто нещадной походкой приближал

ся к нему. Он благословлял их, давал оружие.

Каждый день на закате зажигались огни и ка

лились клейма.

То и дело Лютор спрашивал своих новых последователей, не видали ли они банд зверюдов, и всегда ответ был один:

— Они идут на запад, повелитель.

Гусс тогда обыкновенно кивал и отдавал приказ выступать.

Спустя десять дней после битвы на перевале фанатики достигли своей цели. Они забра

лись на вершину невысокого, продуваемого всеми ветрами холма, и перед ними раскину

лась покрытая лабиринтами жутких болот

земля. То здесь, то там торчали

расступались не
ред толстой, узловатой травой, которая
дала
стела в рассеянном свете, будто её
намазали
маслом.

На горизонте горел обнесённый стеной го-
род. Столбы дыма вились над
пожарищами, словно пальцы какого-то
истительного боже-
ства вытянутые с чернеющих небес на
землю.

Гусс спокойно глядел вперёд. Долгое время
он ничего не говорил, лишь щурил свои
тём-

ные глаза, вглядываясь в темноту.

Фанатики ждали его приказа. Они с
трудом
сдерживались, но ждали его слова. Ждали,
как
и всегда.

Гусс медлил. Он раздумывал, заслуживает
ли Кольсдорф спасения.

Своим отказом выступить на зверолюдей
до того, как их жажда крови достигнет
своего

пика, маркграф обрёк десятки
отдалённых

деревень на разорение. Теперь же орда
глубо

ко вцепилась людям в глотку, и на запах
кро

ви из чащи повалило ещё больше горов.
факт

того, что уверенность Ахена в городских
стен

нах оказалась напрасной, умешал тало.

Всё могло быть иначе. Столы многого
мож

но было избежать.

И теперь Гусс взвешивал все за и против,
зная, что его направят свыше. Как и всегда
он

в почтительном молчании пытался
познать
истину.

Приняв решение, он проворно двинулся вперёд, поднял свой боевой толом и ухватил его обеими руками.

-- Сыновья и дочери, -- его голос разнёсся по рядам фанатиков. -- Во имя Того, кто со

соби

рает праведников подле Себя.

Его тонкие губы растянулись в жестокой ухмылке.

-- Убить всех.

Матильда застrellaла где-то в арьергарде сре

ди пыткой массы шаркающих и спотыкаю

щихся ног больных и стариков. За недели

не

рехода от голода её кожа пообвисла и

одряб

ла, но накопленного за долгие годы жира оставалось ещё много.

Передние ряды фанатиков уже пробились через стены, и Матильда следовала за ними, отступаясь на разрушенной каменной

кладке

и отбрасывая в стороны подгнившие доски.

Как только воины оказались внутри, они раз

бежали по узким ѿлочкам, гавкая словно псы. Повсюду стояла звериная вонь, и они со

сверкающими от ярости глазами шли по её

следу.

Кольсдорф лежал в руинах. Бушевали по жары, а из центра города то и дело долетали

вопли ужаса и боли. В грязи валялись тела с

вывернутыми шеями и переломанными ногами

и руками. Кучи деревья и внутренностей

лежали, где только можно, и вокруг них уже

вились тучи жирных тух.

Матильда не могла бежать быстрее.

Объём

ное тело тормозило её, короткие ноги по скользивали в грязи. Ей оставалось только

стопреть, как более худые фанатики, тельце

ша костлявыми ногами, пробегали вперёд неё, и как их похожие на черепа лица криви

лись в маски животной ненависти.

Но и она внесла свою лепту. Орала вместе со всеми, ковыляя, как могла, задыхаясь от

вони зверолюдов и крепко сжимая обеими руками секач.

Охота захватила её. Она позабыла свою прошлую жизнь: как прислуживала в кузнице, как растяла девятерых горластых каранузов, еле сводя концы с концами в суровых землях

Мидденланда. Позабыла, как было тяжело но

сить воду, как ломала спину на полях.

Исчез

ли из её памяти и редкие улыбки,
расцветав
шие на лицах людей, когда солнце выглядело
из-за туч, и токрая земля
покрывалась
цветами.

Всё пошло прахом. Дети давно умерли.
Муж

тоже, ему ржавым ножом вспорол живот
красноглазый зверь, что пришёл из лесной
чащи.

Причитая и плача, Матильда бежала
тогда в

дикие земли, утратила себя в мире ужаса,
как
и все остальные, кто сумел выбраться из
богой
ни.

Но потом встретила Гусса, и жгучая боль ко-
тешы очистила её от быльих страхов.
Ничего

она теперь не боялась, ни от чего не спасалась.

Теперь она дочь Зигтара, ослепительный луч

света во тьме разорённого тира.

-- Убить всех! -- вопила она, вторя последнему приказу Гусса и выискивая дичь среди руин. -- Найти и убить всех!

Пробравшись через развалившуюся таверну, она набрела на желаемое. Перед ней открылся внутренний дворик, огороженный убогими, покосившимися строениями и усеянный клоаками вонючей соломы. Невдалеке сквозь пелену дымка виднелись каменные сте

ны зигтаритской часовни. Там горожане

об

разбили последнюю линию обороны, и теперь зверолюды кружили вокруг неё, швыряя

камни в витражные окна и колотя в двери
железными топорами. Авангард
фанатиков

уже ворвался в звериную орду, налево и направо раздавая яростные удары.

— Стерть! — завизжала Матильда, устремившись на зверей. — Стерть! Стерть! Она тахала секачом над головой, и хлопья застарелой крови сыпались во все стороны. Рот широко раскрылся от крика, обнажив ряд

пожелтевших зубов. Матильда бросилась в

толпу, и глаза её горели радостным огнём.

Лютор зло отмахнулся толотом, и боёк с влажным хрустом врезался во что-то. От удара

ра козломордый гор отлетел на зад с пролом

ленной грудной клеткой. Задыхаясь в агонии, он коротко заблеял, но тут же был повален на

землю дюжиной цепких рук. Фанатики забра

лись на него, выдавливая глаза, отрывая с

торды куски кожи, срезая пучки шерсти с
окровавленной шкуры.

Священник тем временем двигался
далыше

и, калеча тела зверолюдов широкими
разма

хами толома, ворвался в гущу сражения.

Он

был огромен, словно бастоны спокойствия,
воззвышающийся над суетной толчей тел.

Повсюду вокруг него фанатики бросались
на чудовищ. Дворик был завален трупами,
людскими и звериными. Ни та, ни другая
сторона не думала уступать. Зверьё,
оторванное

от возведенной резни, изливало свою
ярость

на наступающие ряды фанатиков, они
нижко

опускали рогатые головы, чтобы бодать и
уве

читъ людей, а те в ответ обрушивались

на них, не взирая на смотрящую со всех сторон

смерть, карабкаясь на тела павших, только бы

подобраться ближе, только бы ударить, уко

лоть, укусить.

И гибли толпами. Но им было всё равно.

Они перестали существовать, как отдельные

души, что некуются лишь о своих жизнях и по

тысках, стали единой массой, воплощённым

выражением открытого небрежения к себе.

Они все прибывали, не замечая резни вокруг, одержимые одной только мыслию, оставшей

ся в их головах.

Убить. Убить. Убить.

Словно подгоняя фанатиком вперёд, в первых рядах стоял Лютор Гусс. Платя окраину

вало его броню в красный цвет. Он
врывался

всё глубже в ряды зверолюдов, и кровь, словно ореол разлеталась вокруг него.

Неуклюжие

варгоры, угрожающие рыча, промалкивались к нему. Он убивал их одного за другим, прола

тывая шишковатые черепа и отрывая их терзкие лапы. Боевой толот терпевшим

ся и опускался, словно тяжелый колокол, и кровавый ореол всыхивал с новой силой. Гусь былся без боевых кличей. Только губы шевелились в такт безмолвной молитве.

Лицо

оставалось непроницаемой маской. В отличие

от своих безумных последователей он был спокоен. Упорно, методично, шаг за шагом он

пробирался через дворик, пока не оказался

под карнизом у крыльца часовни.

Двери были разломаны. Гусс пролетел тамо ревущего гора, походя сломав ей позывночник о камениный гверной косяк, и пинком

выбил остатки гверных досок. С нефа донеслись грязные звуки резни.

Лютор прошёл внутрь, широкими кругами вращая толото. Два гора яростно набросились

на него из тени и потянулись к горлу. Несмотря

навливаясь, он оттахнул своим оружием.

Золотое навершие, телькинъ, врезалось в че

рен первого зверолюда и откинуло его второго

туда под ноги. Ошеломлённые горы растянулись на полу. В том же миг из гверного проёма

высыпали фанатики. Готовые разорвать на

части любого, они с жадно раскрытыми

ртами

и вытянутыми пальцами набросились на
ле
жащих зверей.

С непроницаемым лицом Лютор
устремил

ся к нефу, беззвучно проговаривая свои бес-
конечные молитвы. Люди в часовне были
ещё

живы. Там, впереди, у престола, на
котором в

окружении закопчённых свечей лежала за-
пятнанная плащаница, сражалось около дю-
жины горожан. Окружённые зверьём со всех
сторон ряды защитников таяли на глазах.
Один из горлов выступил вперёд. Он был
огромен, гораздо крупнее остальных.
Стоило

Гуссю приблизиться, как гор, каким-то
животом

ным чувством почувствовав опасность,
обернулся.

На его бычьей торде возле широко разду-

вающихся ноздрей красовались
закруглённые
бивни. Шкуры покрывали чёрные
застарелые
струпья, и повсюду оголённая кожа была
раз
рисована терзкими печатями сил разруше-
ния. На широченных плечах покоился гро-
мадный двойной топор. Со спины свисал
длинный изорванный плащ, грубо простро-
ченный нитями, похожими на
человеческие
сухожилия. Гор гневно бил о землю
острыми
копытами, в крохотных красных глазках
плес-
калась дикая ярость.
Увидев священника, он тут же испустил
низкий хриплый рёв, вызывая его на бой.
Мелькнуло лезвие топора, и тварь
ринулась
вперёд.
Лютор подобрался и поднял толото. Топор

гора со свистом устремился ей в грудь.

Гусс подставил толото и оба оружия с громким лязгом столкнулись.

Гусс крякнул от удара и попятился назад.

В

предвкушении легкой победы зверь зарычал и нажал изо всех сил. Руки священника заны

ли от чудовищного давления, и он опустил толото.

Зверь нырнул вперед, клацнув своим громадными челюстями. Гусс провернулся в круг себя и сделал шаг назад, давая движению

зверя вывести его из равновесия, затем остановил

новился и занес толото, целясь чудовищу в бок. Зверолюд быстро опомнился, ушел от удара и снова тихнул топором.

Лезвие пошло по кругу, темя священнику в горло. Лютор снова отступил, и топор

прошёл

буквально в сантиметре от его шеи,
затем

устремился обратно в ближний бой. Он
рва

нүлся вперёд, опустив молот, и с бешеною
си

лой врезался в чудище головой.

С тяжёлым стуком черепа столкнулись.

Ошеломлённый гор попятился от
священни

ка. Гусс ударил его свободной левой рукой,
отчего зверь ещё больше отшатнулся
назад, и

нанёс размашистый удар молотом.

Навершие молота пришлось чуть пониже
челюсти, размозжив кости, оно вырвалась
из

тела. Чудовище издало булькающий звук, из

открытой раны хлынули потоки горячей
чёр

ной крови. Схватив рукоять обеими

руками, Лютор отвёл толот на́зад и для
большой силы

провернүлся на пятке.

Череп зверя раскололся, словно глиняный
горшок. Чудище попятилось на́зад, каким-
то

чудом оставаясь на ногах, несмотря на
кровь, сочащуюся из разорванной шеи и
стекающую

ему на грудь, и, наконец, рухнуло на землю.
Громадная туша дёрнулась несколько раз и
затихла.

Тяжело дыша, священник огляделся. По
всюду в часовне его пытающие праведным
гневом фанатики рвали оставшихся
зверолю-
дов. Кое-где между рядами скамей ещё
кипе-

ла битва, но главарь банды был повержен.
Ни победного крика. Ни улыбки на суровом
лице. Гусс смотрел на алтарь, и, не сводя
глаз

со священного камня, приветственное

вскинул

измазанный кровью толот.

— На все воля Твоя, — прошептал священник, всё ещё силясь справиться с дыханием.

И снова двинулся вперёд, толотом свистел из стороны в сторону в поисках новой добычи. Она никогда не была красива. Ещё при жизни на её пухлом прыщавом лице, лежал

отпечаток недель лишений и тяжёлой жизни

в суровых северных землях Империи.

После сперти её лицо стало просто ужасно.

Левая щека была оторвана, на её месте про

глядывали зубы и челюсть. Вместо одного глаза зияла дыра, медленно заполнявшаяся кровью. Её брюхо, дряблый мешок жира, покрытый колотыми ранами, выбивалось из

разорванной одежды.

Гусс с нежностью посмотрел на неё.
Он не знал её имени. Он редко запоминал
имена тех, кто поступил к нему на
службу. Но

правде говоря, слова мало значили для
него.

Поступки -- вот что имело значение. Эта
толстуха погибла, устлав пол вокруг себя
тря

пами зверолюдов. На остатках её лица
застыл

след от злой ухмылки.

И такой она была прекрасна.

-- Дочь Зигтара, -- вздохнул Гусс, нежно
проведя пальцами по щелевшему веку.

Закрыв глаза, он стоял на коленях перед её
ещё тёплым телом. Он будет долгое
время молиться

о ней.

-- Лорд Гусс!

Резкий, противный голос маркграфа
Борса

фон Ахена прервал его размышлений. Раз

дражённому такой бесцеремонностью священнику стоило немалых усилий взять себя в

руки. Медленно, каждым своим движением давай понять, что он думает о маркграфе, Гусс

поднялся от тела погибшей женщины.

Повсюду в часовне лежали трупы. Зверолюды и фанатики покоились друг на друге, сце

нившись в жутких холодных обятиях.

Запах

стал уже невыносим. Скоро соберут костры и

зажгут пламя. И для праведников, и для греш

ников. Со двора доносились рыдания: слёзы облегчения, слёзы горя и избавления.

Война

окончилась, но впереди было ещё многое работы.

Гусс посмотрел на фон Ахена. Шёлковые одежды исчезли, на толстяке были

натянут тес-
ный, явно не по размеру камзол; седые воло-
сы были грязны и лежали как попало. Он
укрывался за алтарём вместе с
остальными, и
чтобы спасти ему жизнь многие отдали
свои.

-- Лорд-священник, -- охнул Борс и бро-
сился в ноги Гуссу. Его трясло.
Простите
меня. Вы были правы. Мы пытались
отбиться.

Всеми богами клянусь, пытались, но их бы-
ло...

Он жалостливо посмотрел на Гусса, в
глазах
плескались страх и раскаяние.

-- Вы были правы, священник, -- опять ска-
зал он. -- Что мне сделать? У меня есть
золото.

Я могу жаловать вам титул. Ну,
скажите же, что я могу сделать?

Гусс зло посмотрел вниз. Колени маркграфа

фа стояли на теле той толстой женщины, а он даже не заметил.

Священник подумал, не убить ли его. Или хорошенько приложить по роже сапогом пару

раз, чтобы эта жирная физиономия преврати

лась в кровавое месиво.

Стало бы легче. К тому же это вполне достойное наказание за разорение земель, которые были вверены ему.

Нужно сдержаться. Это слишком... по-зверски.

-- Ещё не поздно исправиться, маркграф, -- произнёс Лютор Гусс, потянувшись к кожа

ному поясу. Он достал длинный металличе

ский прут. -- И вот что можно сделать...

Глаза Борса расширились, когда на конце прута он увидел символ кометы с двумя хвостами

стами. Железо было холодно и чёрно, словно

потухшие угли. Но он знал, что это. Он видел, как быстро раскаляется клеймо, как оно на

гревается в языках костра, пока не начнёт пульсировать красным, будто утирающее солнце.

-- Чем вы...

-- Все покаявшиеся носят метку, -- мягко произнёс Гусс. -- Вы ведь раскаиваетесь, маркграф? Хотите очистить свою душу? Фон Ахен замотал головой. Это не то на что

он рассчитывал. Бледное лицо Борса искази

лось от ужаса, и он принялся подниматься с

колен.

Гусс наклонился, и железная перчатка тяжело легла на плечо маркграфа. На лоб фон

Ахена упала тень клейма, словно указывая

то

место, где будет метка.

-- Несите сюда, дети мои, -- громко
сказал

Гусс, зная, как быстро займётся пласти-

у

нас новый последователь.

Он одарил маркграфа диковатой улыбкой,
припомнив самопожертвование тех, кто
осво

бождал Кольсдорф. Краем глаза он видел,
как

фанатики ринулись выполнить его приказ.

Борис фон Ахен дёргался, но был
противно

го слаб.

-- Отбрось страхи, -- произнёс Гусс, поворо-
тивая прут с клеймом и любуясь тенями,
ко

торые оно отбрасывало на лице толстяка.

Боль титан.

На этом раз Гусс улыбнулся по-

настоящему, и, словно солнечный луч,
пробившийся сквозь

пыльный витраж, блаженный свет на тиг-
ре

образил печальное лицо священника.

-- Спасение, истинно говорю тебе, вечно.

Чумной жрец

Си Эл Вернер

Переводчик: 4rj

Возле крестьянской мазанки стояло невы-
сокое деревянное святилище. Сложеный
из

брёвен алтарь был посвящён капризным ду-
хам природы, насыщенным невзгодами на го-
ловы рейклендских виргатариев. Чтобы
заго

брить эти зловредные силы, святилище
было

обвешано самыми чудными подношениями:
на полочке, между каменной чащей с
ячменём

и пучком пишеницы, выстроились
надтресну

тые клювы ворон и сорокопутов. К тонкой палке, висящей над алтарём, была привязана

иссохшая лапка лисицы, пойманной в курят

нике, а на самой верхушке -- прибит человеке

ческий палец, отрубленный у какого-то брода; палец указывал наверх, на небеса, на древних богов ветра и грозы.

А из тени под алтарём чёрные глаза-бусы ны наблюдали, как два виллана вынесли из сарая тяжёлые кули с зерном. Когда их погрузили на запряжённую волами повозку, соглядатай егва сдержал ехидный стешок.

Запах

пома и тяжёлого труда распространился от

плечистых крестьян, спешиваясь с удущливой вонью волов и другой скотины. Однако ёщё один запах, более тонкий, остался для людей незамеченным. Среди прочих арома-

тоб этом был самым важным, ибо то было
запах

смерти, и поднимался он от тех самых
мест

ков, которые ворочали сейчас крестьяне.

Прято у них под носом, и эти глупцы даже
не заметили!

В голове вспыхнуло иссушающее чувство
презрения. Скрич стеганул по грязи своим
длинным голым хвостом. Жалкие
людишки: подлые, слепые создания, ума --
не больше

чем у блохи! Неважно видят и слышат, но
обоняние -- его попросту нет! Они и своего
запаха распознать не могут, не то, что
другого

существа! Воистину, эти слабые,
презренные

твари тянут дни лишь с позволения
Рогатой!

Как только люди закончили работу,
Скрич

бросился из убежища прочь. Если бы

крестья

не в том момент обернулись, их глаза
пред

стало бы совершенно гротескное зрелище:
крупное, крысоподобное создание в запач-
каных чёрных лохмотьях удирало по гряз-
ной жиже в направлении свинарника. Поти-
то того люди могли бы заметить ржавый
теч, привязанный к поясу чудовища
верёвкой из

крысиных кишок, и злобный ум,
блестевший

в его чёрных глазах. И тогда они
припомнили

бы старые сказки о подземных жителях, о
нелюдях, обитающих в непролаядной тьме
подземного мира, и в страхе обратились
бы в

бегство.

Но Скрич был хитёр и передвигался лишь
тогда, когда был уверен, что его не
заметят.

Людское невежество стало для скавенов

личным прикрытием, и они, пользуясь
своей

анонимностью, тайно расхищали человеческие
богатства. Оружие, пища, одежда,
рабы

— всё это людишки, сати того не зная, поставляли своим неприметным соседям. По глупости они списывали похищения и кражи

на всевозможных бандитов, волков и
призра

ков, но об истинной причине своих
несчастий

догадывались лишь немногие.

Скрич бросился к свинарнику и прошмыгнулся в узкую щель в плетёной стене.
Плюхнувшись

в навозную кучу, он тотчас же развернулся, чтобы держать крестьян в поле зрения.

Не забывал скавен прислушиваться и к хрюкиванию свиней, взболнованных вторже-

нием в их загон. Если животные расшумятся, их можно будет успокоить быстрым ударом

гвоздяного кинжала. Лезвие было отравлено, и

свиньи умрут почти мгновенно, а когда глупые люди будут их осматривать, они

найдут две ранки от кинжала и подумают, что

скотину покусала гадюка.

Хотя он не знал, что люди будут всерьёз

беспокоиться о шумной свинье -- они были слишком заняты погрузкой зерна. Но их по замку запаху Скрич определил, что они край

не возбуждены. Скавен часто наблюдал за крестьянами и знал в чём причина. Людской

вожак -- человек, который владел ими и их

землёй -- потребовал в этом году свою

долю

раньше обычного, а Скрич уже видел, что
слу

чалось, когда крестьяне тегдилии с
выполне
нием его приказов.

В глазах крысоляуда промелькнул злобный
огонёк. Скоро эти вилланы будут
работать на
нового господина.

Если, конечно, выживут.

Скрич подождал, пока повозка не выехала
со двора и бросился прочь из сарая. Он был
доволен, что спертоносный груз
направился

в поместье человеческого вожака. Люди,
сами

того не подозревая, везли сперть в сердце
своего поселения.

У скавена потекли слюнки от одной
мысли

о том, что жители целой деревни
погибнут от

ужасного оружия, которое напустят на них

крысоловы -- это оружие повергнет их в плах

со всей жестокостью и злобой Рогатой Крысы.

Пусть люди знают своё место.
Скавены им
ещё покажут.

Таясь в тенях, шныряя возле стен и дере-
вьев, проползая под кустами и заборами,
Скрич проследил за повозкой до самой
деревни.

С каждым шагом скавен всё больше да-
вился злобным стеком -- всё шло как по
час

лу. Он, было, испугался, когда телега подъе-
хала к стоящему вокруг деревни
частоколу, и

из сторожки ей навстречу выдвинулись с
сер

дитыми лицами сторожевые люди. Они
были

разгосадованы тем, что их оторвали от
безде

лья, и с такой напускной жестокостьюю
при

нялись задирать крестьян. Для Скрича всё
это

было уж слишком знакомо. Иногда его
даже

пугало то, насколько поведение некоторых
людей походило на повадки скавенов.

Когда же стражники стали колоть и
тыкать

кули дреками копий, Скрич забеспокоился
не на шутку; затаив дыхание, он смотрел,
как

рвётся тешковина, и из прорех тонкой
стрюй

кой сыплются зёрна. Если бы только люди
присмотрелись к тешкам, если бы они
заме

тили, что скавены подменили вилланские
зёрна своими...

Нет, всё в порядке. Охранники не обнаруж

жили ничего необычного и отстутились.

Ко

нейщики пропустили телегу за ворота, и Скрич возбуждённо заскрежетал резцами. Шпион выскочил из своего укрытия и пустился вдоль стены, специально заложив большой крюк, чтобы обойти нелепые деревянные матки, привязанные к бревнам для отпугивания волков и злых духов. Он ухватился своей когтистой лапой за столб, не уклюже выдававшийся из частокола на южной границе, и в мгновение ока взлетел по нему вверх. Скавен приземлился на грядки с

репой уже на другой стороне и прижался к земле. Он приподнял только нос, чтобы ис следовать запахи деревни, и навострил ёши в

поисках любого звука, который мог бы означать, что его вторжение не осталось незаме

ченным.

Довольный, что не привлек лишнего внимания, Скрич прошмыгнулся к ближайшей ма-

шанке. Примерившись, он запрыгнул на крышу так же легко, как до этого перелетел через

частокол.

С величайшей осторожностью лазутчик по

полз по соломенной крыше. Скрич уже по опыту знал, как ненадёжны эти строения.

Чтобы успешно завершить задание, нельзя было допустить ни единой ошибки. Всё должно

но пройти гладко. Скрич даже думать не хотел

о том, что с ним сделает вождь Нашкик в случае

чесе провала. Внезапно его тускунная железа

набухла от совсем другой мысли. Быть может, сейчас нужно бояться не Нашкика?

Крысолюд

скрежетнул резцами, пытаясь прогнать
от се

бя эту страшную мысль. Главное —
работа; на

пустые волнения времени нет. А уж Скрич
постарается, чтобы они так и остались
пусты

ти.

Пользуясь близостью бедняцких хибар,
шпион легко перепрыгивал с крыши на кры-
шу. Таким танером скавену удалось
быстро

пробраться вглубь поселения. От
крохотной

хибарки у самого частокола он вышел к
дере

венской площади и укрылся на плоской кры-
ше кузнечной мастерской. Выт от печи
помог

скрыть его запах. Люди вряд ли учуют его,
но

собакам это было вполне по силам.

Располагаясь на крыше, Скрич заметил

въезжающую на площадь повозку. Он
облизал

резцы. Теперь уже не долго!

Рядом с деревенской площадью с одной стороны высился громадный каменный особняк, где обитали слуги здешнего господина, и

откуда они правили его владениями. С другой

стояли рубленые склады и амбары, хранилища баронских податей и богатства деревни.

Напротив складов расположились несколько

глинобитных строений, служивших деревен

ским жителям таверной и гостиницей. Сле

вой стороны у таверны притаилась кузница и

лавка травника. Оставшаяся сторона площади

была отведена узкому деревянному
сооруже

нию с купольной крышей и высоким
шпилем.

Перед входом в здание булькал крашенный
белым фонтан. Скрич предположил, что
это

-- место, где люди возносят хвалы
своим

странным божкам. Крысолюд фыркнул --
что

за жалкие божества -- они ничто по
сравнен

нию с величием и мощью Рогатой Крысы.
Но

на всякий случай он решил хоть немногих
их

побаиваться.

Бросив случайный взгляд на площадь пе-
ред часовней, Скрич понял, что бояться
очень

даже стоило. Аромат, исходящий из
церкви, тянулся к площади, где на пусты

теле~~ги~~ встала

одинокая фигура. По запаху скажен опреде-
лил, что это — одна из человеческих
самок.

Когда она спешно прокладывала себе путь
че-

рез площадь, от её белоснежной развеиваю-
щющейся маhtии и глининых тёплых волос
раз

давался аромат ладана.

С растущим беспокойством Скрич наблю-
дал, как женщина встала на пути повозки
и, раскинув руки, загородила проезд.
Суровым

голосом она велела крестьянам
остановить

теле~~ги~~ и не слезать с тесем. В её голосе
была

такая властность, что рабочие,
вышедшие бы

ло из складов, тоже встали как вкопанные.
— Эти люди принесли смерть в наши
стены,

-- произнесла женщина, таину в своей худо щавой рукой в сторону мешков с зерном. -- Груз нужно немедленно сжечь! Хвала тво сердцу Шаллы, что ты успели вовремя. Работяги повытаскивали из-под своих роб соломенные куклы-обереги и принялись плевать на эти уродливые фигурки, чтобы отве сти от себя сглаз. Проделав этот ритуал, они поспешили обратно на склады собираться дере во для костра. Сидящие в повозке крестьяне беспокойно переглядывались. Они с тревогой наблюдали за тем, как увеличивалась груда поленьев, и лица их становились всё бледнее.

Когда куча достаточно выросла, женщина обратилась к людям в повозке.

-- Вы внесли сюда это зло. В наказание вы

его и уничтожите.

Она указала рукой на телегу и на костёр.

-- Не им сжигать чужую собственность! --
прогудел чей-то сердитый голос.

Говорящим оказался широкоплечий, крепкого телосложения тружина, чьё тусклые

тело только начало покрываться жирком,
а

волосы -- седеть. Но сравнению с
овчинными

туннами и штанами деревенских
тружиков

его бордовый плащ и брюки из тонкой
парчи

казались верхом изящества. На шее висела
тяжёлая пектораль с красивым гербом.

Рядом

с ним по бокам стояли двое тружин в по-
трёпаных кольчугах, бляхи на груди
свиде

тельствовали о том, что это старость и
воз

ныи.

-- Милорд бейлиф, -- повернулась женщина к своему собеседнику, -- мне кажется, вы не понимаете...

-- Чего я не понимаю, так это, по какому праву уничтожается собственность моего гос

поддана, -- рявкнул на неё мужчина. -- Вы, верно, забыли, сестра Кэтрин, но вся деревня

Морберг, её жители и земли окрест принадле

жат барону фон Грайцу. И твой долг -- защи

щать собственность, принадлежащую его светлости!

Жрица лишь недовольно поджала губы. Браниться с бейлифом она и не думала -- что

бы убедить его, одних слов будет мало. Тихо

шепча толстые Шаллье, Кэтрин подошла

к
пово́зке; виллане посторонились. Ладонь
жрицы окутал потусторонний свет,
толитвы
звучали все́ жарче, а свече́ние станови́лось
сильне́е.
Бейлиф смотрел, как сестра Кэтрин
погру́
зила сияю́щую ладонь в прореху на однот-
и³
мешков. Когда она вытащила руку, её
палыцы
были запачканы серой грязью, а свече́ние
по
теряло. Она вытянула руку, так чтобы
барон, и все, кто собрался на площа́ди
стогли уви-
деть. На крики бейлифа из окон
высыпалось
множество любопытных лиц, и сейчас
зрите
ли тревожно заохали. Они уже видели, как
жрица вытягивала заразу из больного, но

что
бы из лепешки с зерном — такого прежде не
случалось.

Сестра Кэтрин прикрыла глаза, повелевая
силам богини очистить скверну, которую
она

навлекла на себя. Живительный свет
снова

собрался вокруг её руки, но на этот раз он
явился не так быстро. Под очищающим
сия

нием серые пятна начали съёживаться и
скоро

совсем исчезли. От перенапряжения
жрица

чуть было не повалилась на колени, её
трясло.

Магия брала своё.

Бейлиф поморщился, ему было не по себе
от проявления колдовства, ставшего
живым

напоминанием о том, что есть кто-то
выше

его. Он взглянул на толпу крестьян и на
испуг

ганные лица своих стражников.

Представле-

ние Кэтрин покорило их. И именно по
этой

причине бейлиф не намеревался сдаваться
по

записи -- дело уже касалось не просто пары
тешков зерна. Теперь вопрос был в том,
кто

будет хозяином Морберга?

-- Изящный трюк, -- произнёс бейлиф,
подленно хлопая в ладоши. -- Выдел я в
Мор

дхейме, один фигляр тоже показывал
фокусы.

-- Так они подвесили эту тварь за пальцы
и

брюхо етку распороли. Выдела когда-
нибудь, как колдуны дёргаются, когда им
набивают

чесноком...

От угрожающего рычания лицо тужчины
перекосилось.

-- Это никакое не колдовство, но боже-
ственная милость Шалльи,
пролепетала се-
стра. -- Да, много священников были
забиты
насильно своею, когда проявление
божествен-
ной магии принималось за ворожбу...

Она заставила себя собраться с духом, вы-
прыгнула и снова указала на повозку.

-- В этих тешках зараза.
Среди жителей прошёл испуганный шёпот;
бейлиф нахмурился.

-- Я не собираюсь сжигать урожай из-за
каких-то фокусов! -- рявкнул бейлиф. -- Им-
ператор Борис объявил, что новый налог
должен быть уплачен до первого снега, и
барон приказал мне проследить, чтобы Морберг
сможет выплатить и его и любой другой

налог, которым Император сочтёт

нужным обло

жить нас этой зимой!

Он щёлкнул пальцами и тихнул стражников. Те с явной неохотой подошли к телеге.

Отставив в сторону копья, они взялись за

шок и принялись ворочать его.

Мешок упал на землю, и ткань, разорванная копьами стражников и рукой сестры Кэтрин, разошлась, выбивши содержимое прямо на

площадь. Раздались крики ужаса. Глубокие

в

мешках, перемешанные с зерном лежали

не

сколько клубков волос. Человеческие скользили

ны!

Бейлиф отшатнулся от ужасного

зрелища и

сложил знак Ульрика.

-- Помилуйте, боги! -- воскликнул он.

-- Чута, -- раздался тихий, усталый голос
Кэтрин. -- Я почувствовала, что она
скрывала
ется там, в теснотах, но даже подумать не
мог
ла, что это поместили туда намеренно.
Она нахмурилась и зло посмотрела на
двуух
крестьян, доставивших зерно в деревню.
-- На такую ересь способны только слуги
Повелителя Тьмы.
Называв имя терзкого демонического бога,
она сложила пальцы в знак голубя, чтобы
De
душка не смог её услышать. Жители
деревни
тот час же принялись делать схожие
жесты --
в их широко раскрытых глазах читалась
ужас
от одного только упоминания о Древней
Ночи
и Губительных Силах.

Один из вилланов упал на землю. Ползая на брюхе перед жрицей, он уверял её в своей невиновности.

— Мы не знаем, откуда там взялись эти скальны! Их кто-то подложил!

Бейлиф зло глянул на испуганного человечка.

— Всяк еретик невинован, как его схватят.

Взять этих ублюдков! Сожжёт их вместе зара
зой!

Староста и возный с радостью убралисы
ом телеги. Они начали было вязать
вилланам ру

ки, как вдруг староста в ужасе забопил и
ом

скочил от заключённого, как от огня.
Откры

гивая, он зацепил рукав крестьянина, и
том

оторвался, обнажив левый бок бедняги.
Собравшимся на площади жителям пред
стало скопление терзких чёрных бубонов
подтышкой несчастного. Все вопросы
отпали

сами собой -- в повозке была чумка, и
заражено

было не только зерно.

-- Сжечь их! -- прорычал бейлиф, тряся на
стражников кулаками.

Те с очевидной неохотой двинулись вперёд,
склоняя крестьян копьями прямо к костру.

Сестра Кэтрин перегородила им дорогу.

-- Не делайте этого, -- сказала она, -- Это
терзость. Неужели вы совершили насилие
не

перед входом в храм Шалльи? Оскорбите
боги

нюю в час, когда нам всем так нужна её ти-
лость?

-- Уйди с дороги, -- приказал возный. --
Эти люди пытались провезти чуму в
нашу деревню

ревню.

-- Может быть, они не знали, что везут,

возразила жрица. -- Может, они
невиновны?

-- Знали или нет, но они принесли чуму в
тою деревню, -- рявкнул бейлиф. -- А один,
или уже оба -- больны. Единственный способ
обеспечить деревню -- сжечь их и всё, что
они притащили с собой!

Рёв бейлифа пробудил страх, гложавший
нутро жителей деревни. Кричащая толпа

валила на площадь, торопясь скорей
разжечь
костёр.

Сестра с отвращением отвернулась. Она
не

желала принимать участие в том, на
что были

вынуждены пойти люди. Шаллья покрови
тельствует милосердным и человеколюби
вым, каждая жизнь для неё священна. Как

бы
ни было это разумно, принять
безжалостного
убийствадвух человек Кэтрин не могла.
Она удалилась в часовню и принялась то
лить свою богиню, чтобы там
стилостишилась
над этими презреными, напуганными
глуп
цами. Ибо милость им ещё понадобится.
Без
сомнения, кто-то намеренно пытался зара
зить жителей Морберга, и теперь, даже
если
драконовские терры бейлифа окажутся дей
ственныи, злодеи вполне могут
попытаться
сделать это снова.

Поглядев на костёр, Скрич поспешил уб
ратиться из деревни. От мысли о двух
крестья
нах и сгоревшем зерне ему сдавило туск
ную железу. Вождь Нашкик не обрадуется,

ко
гда услышит о том, что его первая
попытка
столъ феерично провалилась.
Всё эта глупая самка! Сытъ свой нос в
чужие
дела! Скрич решил запомнить на будущее:
у
самок носы лучше, чем у обычных
человеков!
Ползая возле навозных канав, крысолов
пробрался через пастбища, окружающие
Мор
берг, к зарослям колючего кустарника. Он
прошмыгнул под куст и принялся
разрывать
когтями кучу пересушенных сорняков. От
крыльев узкий лаз, он задержался на
мгновение, чтобы втянуть ноздрями
поднимающийся из
отверстия воздух, после чего нырнул вниз.
Ход был тесен, даже для скавена, но изви
ваясь и дёргая плечами и бёдрами, Скричу

удалось промыснуться вперёд. Сильный

кры

синый запах и мягкая почва, щекочущая
ему

усы, ободрили скавена. Внезапно сверху по-
сыпалась земля, и Скрич передёрнуло от
страха — из-за таких завалов погибало
немало

ло его сородичей. Скрич прошипел
толитву

Рогатой Крысе, заклиная стены туннеля
не

обваливаться, хотя бы до тех пор, пока не
лазу

не проползёт какой-нибудь другий скавен.

Скрич уже добрался до конца прохода, а его
сердце всё ещё бешено колотилось. Лаз
выход

дил в просторный туннель около
двадцати

футов в ширину. Повсюду были раскиданы
старые кости и клочки шерсти,
наполняющие

коридор сладким запахом гнили. В стенах

то

здесь, то там были выдолблены ниши, из
ко

торых светили тусклые, источающие
терзкую

вонь, лампы. Представители крысиного
наро

да прекрасно ориентируются в полной
темно

те, но некоторые все же предпочитают
осве

щать ходы, чтобы не только слышать и
чуять, но и видеть то, что может
поджигать их во

тьме. Токсичный дым, поднимавшийся от
тлеющего крысиного помёта создавал
такую

вонь, что она оскорбляла даже закалённые
скавеновы носы. Клан Филч был слишком
бес

ден, чтобы позволить себе такую роскошь
как

червячное масло или варнов огонь,

поэтому

им приходилось пробавляться эти тиши
прити

тивными устройствами.

Ничего, всё ещё наладится. Вождь
Нашкик

очень амбициозен, он выведет клан на верх
хушку Подземной Империи!

От гордости, что вождь посвятил его в
свои

секреты, Скрич засунул хвостом. В гнезде
не

многие знали отайном союзе с кланом
Чумы.

У монахов появились какие-то идеи
насчёт

нового штампа чумы, который испробит
боль

шую часть обитающих на поверхности
чело

веков, а остальных сделает лёгкой
добычей.

Чтобы улучшить свой штат, монахам
нужно

было испытать его не только на рабах, но
и на

свободных людях. Эта нужда привела их в

Провал Когтерезов к Филчам.

Небольшому

клану Чулы, имеющему своего
представителя

среди серых владык, приходилось
постоянно

сдерживать нападки честолюбивых
воинских

кланов, таких как Скаб и Риктус.

Несмотря на

свою фанатичность и сильный
импульс, монахи жалко смотрелись
рядом с великана

ми Скабов и Риктусов. Случись какая зава-
рушка, чулных попросту раздавят, если
толь

ко им не удастся заручиться поддержкой
кла

нов недовольных тем, что им не нашлось
места

сча в Ракколотой Башне.

Глупцы! Мозги чумных лордов, наверное,
давно сгнили! Другого объяснения их идиомы
ской сделке не было. Заплатить клану за
услугу

за сорок лодок зерна! Едва больше, чем
гнездо

когда-либо видело; еёхватило, чтобы
Нашикик

увеличил квоту на размножение и набрал
ещё

больше евнухов для заботы о крысоматках
и

их приложе. Население Провала
вырастет, и

через несколько лет у Нашикика будет
войско, превосходящее прочие гнёзда.

Но что более иронично, клан Чумы, в сущ-
ности, отдал эту страшную бациллию
прямо в

лады Филчам! Для проведения

исследований

в Пробал отправились лишь несколько
дюжин

чумных монахов и один жрец, так что
вырвать

у них секреты не составит большого
труда.

Скрич почувствовал, как набухла его ту
скучная железа. А вдруг они так просто не
покорятся? Чумной жрец Пускас
Грязношерст

пугал его даже больше чем вождь Нашкик.

Когда он глядел на кого-нибудь, можно
было

почувствовать, как глаза этой твари
словно

сдирают с несчастного шерсть и плоть,
пытая

ясь проникнуть глубже, до самых кишок.

Крысолюд поёжился. Хотя волноваться бы
ло не о чём -- когда Нашкик и впрямь
решит

избавиться от своих союзников, Скрич

но за
бомится о том, чтобы у него вдруг
возникли
какие-нибудь неотложные дела. В общем и
целом, один скавен в битве дела не решит.
К
тому же Нашкик очень огорчится, если
вдруг
потеряет ценные навыки и
проницательный
ум Скрича.
Отбросив мысли о предательстве и наси-
лии, скавен продолжил путь. Он старался
дер-
жаться левой стены -- ему было спокойнее
осознавать, что, по крайней мере, с одной
стороны на него не нападут.
Добравшись до более населённых нор, он
встретил скачущих через туннели
скавенов.
Скрич внимательно оглядел и обнюхал их.
Они определённо пахли Филчами, но было
что-то ещё, за что он никак не мог

засечети

ся. Скрич засел в туннеле и принял ся изучать запахи.

Совсем скоро шпион заметил, что со скавенами творилось что-то неладное.

Шаркающая

походка, обвислые хвосты, тянущиеся за хвостами по грязи и отбросам. Даже в

нашки

ковых головорезах, черношкурых штурмовых

крысах, была заметна какая-то слабина.

Внезапно Скричу в голову пришла мысль, ужасная настолько, что его железные непроиз

вольно выплеснули тускую стрюю страха.

Что если эта чума, над которой работал

Лис

каб, вырвалась на свободу?

В панике Скрич схватил проходящего

тило

скавена. Бедняга запищал и стал извиваться, но он был слишком слаб, и все его усилия

пропали гаром.

Припомнив

отвратительный

вид бубонов на телах крестьян, Скрич стянул

с оборванца плащ и в том же тиг отшивырнул

тело прочь. Одним движением он вытянул

теч и пронзил им шею больного скавена.

Он

вытекающей из раны чёрной крови пошёл

острый болезнетворный запах.

Дрожащими

лапами Скрич старательно стёр с течи кровь

и помчался по туннелю.

Так это правда! Пускай чутка гуляет по гнездам, истребляя население Провалы Когте

резов! Скрич не знал, как всё произошло, но если болезнь не остановить, клан

напростоту

выиграет. Даже если Филчи переживут
этот чудо

тогда, она обескровит их, и любой другой
клан

стремится запросто вторгнуться на их
территорию.

Скрич бежал по извилистым коридорам,
шарахаясь от каждого встречного. Нужно
сказа

затем Нашики! Если вождь погибнет,
мож

но будем предупредить Нускаба, чтобы он
не

разводил больше бацилл,
предотвратить

расположение инфекции. Да, за такие
вести

Нашики знатно отблагодарят Скрича,
сделаем

его вожаком, никак не меньше!

Теперь, когда скавен знал о болезни, ему

чудилось, будто он повсюду чует её
терзкий

запах. При всей своей подлой и
подозритель-

ности настуре, крысиный народ обладал
силь-

ным стадным инстинктом -- и это всегда
было

неуютно вдали от сородичей. Теперь же,
про

двигаясь через гнездо, Скрич старался
нога

вить в себе эти чувства и держаться
самых

нехоженых туннелей и нор. Когда рядом с
ним пробегал другой скавен, шерсть
вставала

дыбом, и Скрич отчаянно напрягал нос в
по

пытке разнюхать у того хоть самый
слабый

запах чулы. Любой мог оказаться разносчи-
ком, глашатаем медленной, ужасной

смерти.

С узкого выступа, вышагающего над одним из главных туннелей Провала Когтерезов, Скри

чү открывался отличный вид на заряжённое

гнездо. Бялые массы скавенов шатались по своим нормам, и лишь немногие проявляли ту

живость, что была присуща здоровым крысам

людям. Большинство были настолько охваче

ны недугом, что даже не заметили, как кто-то

из скавенских рабов уронил один из тешков с

дарами, которые клан Чүты преподнёс фил

чат. Зерно посыпалось из разорванного теш

ка и разлетелось по полу. Такая неожиданность должна была вызвать в настоящую

свал
ку из пищащих и хватающих друг друга
кры
соловьев, но к бесхозной пище кинулись
лишь
несколько скавенов -- остальные простос
тол
пились рядом, словно не замечая зерна под
своими лапами.

От этой неестественной и жуткой
картины
ущи Скрича прижались к голове, было в
ней
что-то необъяснимо трагическое: будто
сказка
вены уже умерли и теперь двигаются
просто
по привычке.

Скрича словно парализовало. Отрыбшийся
ему вид напомнил о Морберге и его
жителях.

Было какое-то пугающее сходство между
тем, что он увидел на деревенской

площади и бо
лезненной атмосферой, охватившей
гнездо.

Может, зерно? Вдруг какой-нибудь прош
доха стянула немного зерна,
предназначавшие

гося людям? Или чумной жрец намеренно
распространил среди жителей гнезда за
ражённую пищь? Нужно всё разыскать.
Если

виноват Пускаб, в награду за такую
информацию

цию Нашикик поднимет Скрича на самую
верх

хушку клана.

Да! Он проберётся в лабораторию Пускаба
и соберёт доказательства того, что за
всем

этим стоит чумной жрец. Даже если
доказа

тельства эти придётся изготовить
собствен
ными лапами!

Роняя слюни в предвкушении будущих боев, Скрич развернулся и, избиваясь, полез

в узкую вентиляционную шахту. Тесный лаз

был заполнен крысами, но грызуны в страхе

разбегались перед целестремленными скаве-

ном.

Скрич был здесь не впервые и прекрасно ориентировался в безумном хитросплетении

перекрёстных туннелей. Шпионить за

други

ти скавенами всегда было выгодно, а венти-

ляционные шахты открывали для наблюдательных глаз и ушей широкие возможности.

Совсем скоро Скрич уже полз по туннелю, выходящему в комнату, которую Нашкик от

вёл Пускабу и его чутныи монахам.

Скавен

почувствовал их терзкий запах задолго до конца шахты; затхлый воздух отдавал злобой, чесоткой и разложением. У Скрича сдавило

горло, ему в голову полезли картины разлага

ющихся чутных крыс.

Вид ног отверстия вентиляционной шахты был ещё хуже. Комната, которую отдали

монахам, некогда была яслами для детёнышей крысиного народа, и тладенческая вонь

до сих пор отсюда не выветрилась.

Вероятно, этой неуютной норой Нашкик хотел прозрач

но намекнуть гостям о своём превосходстве, но даже если и так, жест остался незамечен

ным. Пахнуть хуже, чем эти изъеденные

лезнюю фанатики, могла, наверное,
только
задница тролля. Они шаркали своими
лапами
по комнате, закутанные в терзкие
желёные
мантии, врашали вытянутые
отмертвевши
ми тордами; с них жирными лишаями
сыпа
лась шерсть, на коже проступали ранки и
вол
дыри, глаза были тумны от катаракты.
Неко
торые шагали прямо по скопившимся на
полу
гнилым отбросам, и неистово хлестали
себя
шинастыми плетями, другие, со
свитками из
крысиных кож, пуская слюни, бортомали
странные, хулиганские молитвы. Один из
монахов, прятавший лицо под складками

сво

его капюшона, лязгал ржавым колокольчи-
ком, он, очевидно, находил какое-то извра-
щённое удовольствие в раздававшихся
неме
лодичных звуках.

Несколько монахов всё же проявляли в
своём попечительстве какую-то
разумность.

Они обстутили клетку с тощими рабами-
людьми и тыкали жалких пленников
крючья

ти и щупали. Одного вдоха было
достаточно, чтобы понять, что люди --
больны, на их го

лых телах разрослись чёрные бубоны, кото-
рые Скрич уже видел в Морберге.

Пока чумные монахи тучили рабов, за ни-
ми внимательно наблюдал их уродливый
хозяин.

Разносчик Поветрия Пускаб Грязно-
шерст, чумной жрец клана тог-
похвастаться

крупным телосложением, его жирную

тушу с

трудом скрывала рваная зелёная тантия.

Но

клочкам шерсти, сохранившимся на теле, можно было угадать белый окрас, хотя боль

шая его часть уже переходила в желтушно-

желчный цвет. Струпья на коже соседствова

ли с терзевшего вида пятнами, сочившимися

полупрозрачным гноем. Морда практически

сгнила, и сквозь иссушённую плоть проглядывали лоскуты тышиц. Венчали же это нечто

стивое подобие Рогатой пары оленевых рогов, выдающихся из черепа жреца.

Несколько бродил вокруг клетки, тяжело опираясь на скрюченный деревянный посох.

Иногда он останавливался, чтобы

рявкинуть

что-нибудь своим прислужникам, в том же

тиг монахи бросались к клети и вытаскивали

из неё одного из пленников. Рабы были на столько измотаны болезнью, что, не сопротивляясь, ложились на пол, и ждали, пока ска

вены не соберут с их волос уродливых корич

невых блох.

От одного взгляда на этих отвратительных

насекомых у Скрича шерсть встала дыбом

блоти были такие же толстые и упитанные, как и сам Нускаб, ещё от них разило чумой.

Монахи бережно собирали блоти и сажали их

на небольшие матки волос, заранее приготовов

ленные для этой цели. После один из них осторожно уносил топки на другой конец комнаты, где стояли несколько мешков. С терзким стешком полуутомный скавен засовы

вал заражённый скальп в зерно.

Когда лазутчик увидел, что произошло по тому, у него внутри всё сжалось. Пустив извлёк

из-под своей просторной тантии какую-то бутылку и побрёл к зерну. Мешки с левой сто-

роны, он пропустил, а те, что были справа, —

обрызгал содержимым своей бутылки. Волос

лазутчику ударил острый запах духов. Чумной

жрец маскировал вонь заражённого зерна! Но

если мешки предназначались людышкам, за

чем было это делать?! Нет, такая

обработка

означала лишь одно — зерно разгадум
скаве
нам!

Клан Чұты ұтышленно вредил филичам!
Внезапно Грязношерст обернулся, его жёл
тые глазки злобно уставились прямо в
венти
ляционную шахту. Сгнившие губы жреца
рас

тянулись в дикой ұхтылке, обнажив ряд
чёр
ных зубов. Скрич почувствовал, как земля
во

круг него задрожала и начала крошиться
пря
то под лапами. Он попытался хоть за
что-ни

будь уцепиться, но земля в его когтях
не про

сту рассыпалась в прах. Издав вопль ужаса,
шион покатился прямо в логово чутных
то

нахов.

Скрич пребольно үшибся об пол и почувствовал, как от удара хрустнула передняя ля

на. Он забыл от боли и тут же закашлялся, выплёвывая изо рта землю и песок. Из глаз

выступили чёрные слёзы, и скавен принялся

отчаянно торгать в беспешных попытках

разглядеть хоть что-нибудь в облаке витая

щёй вокруг него пыли.

Это всё Пускаб. Пытаясь убить соглядатая, жрец, наверное, использовал какое-то отвратительное колдовство. Но усилия

гретика

пропали гаром! Самое страшное Скрич уже

пережил!

Облако неожиданно рассеялось, и Скрич

предстал безжалостному взгляду Пускаба.
Чумной жрец указал шелущащимся
когтём на
лазутчика.

-- Чужак! -- прорычал он.

Это слово вызвало гневный визг среди то-
нахов, и сколь бы помешаны были и несобран-
ны они ни казались с виду, по приказу
Пус

каба безумцы окружили ошеломлённого
Скрича.

Они набросились на шпиона и принялись
нешадно хлестать его шипастыми
бичами и
колотить ржавыми булавами и цепями.

Глаза
засилиала бешеная ярость, с торс капала
пена
и какая-то терзкая жижка.

Ужас заставил Скрича вытащить течи-
ру
бануть по лапе ближайшего монаха. В
брёзгах

крови и гноя отрубленная конечность
отлетела

ла прочь, но покалеченный скавен не думал
останавливаться, и только после удара в
горло

фанатик замах на полу.

Скрич понимал, что драться с толпой
этих

безумцев было бесполезно, и вместе
с попыткой

свалить кого-нибудь он направил свои
усилия

на защиту, пытаясь улучить момент и
скрыть

ся. Шпион заскрипел резцами, стараясь
заглушить

шить боль, пульсирующую в сломанной
лапе.

От перелома он ещё сможет оправиться,
но

если его схватят монахи, дороги назад
уже

не будет.

Наконец, үдача үлыбнүл ась етү. Чүтной
тонах с незрячими бесцветными глазами
со

слепу налетел на костлявого фанатика,
чья

морда была покрыта массой нарывов.
Слепец, утративший в религиозном үзаре
остатки ра

зұта, үдарил тощего и сорвал с его рыла
ко

ток волдыреи. В ответ үязвлёныи
безүмец

засадил когтистой лапой тому в живом.

Через мгновение два монаха уже рвали
друг другу глотки, и Скрич темнүлся в
образо

вавшийся в результате этой свалки
проём.

Лазутчик перетаинул через держущихся и
понёсся к выходу. Вход в логово охранял
лишь

один монах, и Скрич быстро разделялся с
ним

ударом в пах.

Задыхаясь и хрипя, преисполненный ужаса
Скрич тчался по туннелю, стараясь
убежать
как можно дальше от прокажённого
логова.

Только в одном месте он мог спастись от
гне

ва клана Чумы. Нужно было бежать прямос
к

Нашкику и толить того о защите. Вождь
обя

зательно поможет, как только он узнает
о том, что произошло. Вождь разберётся с
предате

лем Пускабом.

Добравшись до гнезда Нашкика, скавен по
чувствовал, что что-то было не так. У
 входа в

хору не было привычной банды закованых
в

госпехи штурмовых крыс, в воздухе висела
тяжёлая вонь от духов, и их явно было

исполъ

зовано болыше, чём вождь обычно
разбрывызги

вал, чтобы скрыть свой запах от врагов и
убийц.

На секунду Скрич задумался, не бежать ли
ему вообще из гнезда. Для любого
крысоляда

покинуть клан было практически
самоубий

ством — без защиты своих сородичей, они
очень скоро попадали в лапы многочислен-
ных хищников, обитающих в подземье,
или, как нередко случалось, скавенов-
работоргов

цев. Нет, Скричу придётся остаться, а
для это

го ему нужна была защита, которую мог
предоставить только Нашкик.

Отбросив свои подозрения, лазутчик по-
полз в нору вождя. И снова у него шерсть
на

загривке встала дыбом. Когда он был здесь

последний раз, логово было набито награбленным добром: куски ткани, украденные из людских деревень, бочонки с пивом, внесенные с гнотьевых заводов, ящики с прямыми грибами из гоблинских пещер. Там где раньше лежала нашкикова добыча, теперь ничего не было. Гнездо было попросту разграблено! Объяснение не заставило себя ждать.

Могучий вождь Нашкик, скрючившись, лежал на техах и одеялах, которые у него не успели утащить, и, хрюпло кашляя, пускал слюни се

бе на усы. Он пытался заглушить запах болезни и слабости, вытолчившись в духах, но одногого взгляда на беднягу было достаточно, чтобы понять, что чума не обошла его сторо

ной. Тело Нашики было усеяно жирными чёрными бубонами.

Гадкое хихиканье заставило Скрича обернуться. Но здешний вход в гнездо он увидел терзкую рогатую тварь — ухмыляющуюся чумного жреца. Скавен замахнулся на злобного монстра течом. Губы Пускаба растяну

лись в улыбке, в глазах промелькнул терпение

ный зелёный свет. Из когтя жреца вырвалася

поток силы. Скрич в ужасе отпрянул — покрывшись ржавой гнилью, теч развалился прямо у него в руках.

— Я искал-пришёл в Провал Когтерезов, чтобы найти новую-хорошую чуму, — голос Пускаба походил на отвратительное булька

ние. — Сделать хорошую-отличную чуму для

Рогатой.

Неожиданно жрец хлопнул себя лапой по

груди, и тежду его пальцами оказалось
зажа

та жирная чёрная блоха.

-- Нашёл подходящего-замечательного пе-
реносчика, -- зафыркал Пускаб. -- Убил ти-
го-тиного человека!

Глаза жреца засветились злобным безуми-
ем.

-- Узнал-понял давним-давно, -- прогодол
жил он. -- Надо найти блоху, чтоб скавены
болели-дохли как люди.

Скрич упал перед Пускабом на колени.

Клан Чұмы пришёл в Провал Когтерезов-
не

для того, чтобы испытать чұмұ на людях!
По

довытными оказались крысы из Провала!

Чұмым тонахам не нужна была болезнь,
ко

торая убивает только людей!

-- Скоро-скоро все крысоловы узрят истин-
ный облик Рогатой! -- проговорил Пускаб.

Услышат-узнают настоящее имя
Рогатой!

Поймут-откроют подлинное величие
Рогатой!

Чумной жрец поглядел на Скрича и ткнул
шилона спорщенным пальцем.

-- И ты поймёшь-узнаешь совсем скоро, --
прошипел он.

Скрич посмотрел на свою сломанную лапу
и запищал от ужаса.

По всему плечу шли гноящиеся чёрные на
росты, терзкие бубоны, вестники
неотвратимой гибели.

Чёрной смерти!

• • •